

Марта Зверева

НЕ НАДО, ДЯДЯ АНДРЕЙ!

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Марта Зверева

Не надо, дядя Андрей!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57457416

SelfPub; 2022

Аннотация

Брат моего отчима пообещал перед его смертью, что позаботится обо мне. Он в два раза меня старше, он жестокий и властный, и он меня бесит! А я бешу его. Только мне некуда деться, а у него очень специфические методы укрощения восемнадцатилетних нахалок. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Лиза	6
1.	9
2.	13
3.	15
4.	19
5.	22
Андрей	26
2.	30
3.	34
4.	37
Лиза	40
2.	43
3.	47
Андрей	52
2.	56
Лиза	60
Андрей	64
Лиза	69
2.	73
3.	78
4.	83
Андрей	87
2.	93

Лиза	98
2.	103
3.	108
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Марта Зверева

Не надо, дядя Андрей!

В оформлении обложки использовано изображение с бесплатного стока Pixabay по Simplified License

Лиза

0.

Я всегда была несносной. Неуправляемой. Непочтительной. Родительским кошмаром. Вот как начался мой подростковый возраст, так и превратилась из милой улыбчивой девочки в исчадие ада. Стала краситься как шлюха, одеваться как с помойки и дерзить родителям.

Так говорила мама.

Говорила.

Она перестала со мной справляться, когда мне исполнилось одиннадцать. Отец бросил нас, как только я родилась, и она собиралась растить меня одна. Но тут требовалась жесткая мужская рука, и она приняла предложение старого поклонника. Исключительно ради моей пользы.

Отчим был не злой, и даже по-своему меня любил, хотя временами и правда действовал жестковато. В тот теплый летний день мы собирались все вместе поехать на шашлыки. Я обожала такие поездки, пляшущий огонь в мангале, мясо с привкусом дыма и жареный на костре хлеб. Даже помогла маме замариновать мясо, хотя обычно от меня было не добиться помощи. И предвкушала прекрасный день!

Именно поэтому отчим оставил меня дома в наказание за нарушение комендантского часа. Пару дней назад я слишком

увлеклась поцелуями со своим парнем и опоздала на полчаса. И сколько ни орала, что уже совершеннолетняя, он свое решение не изменил. Как всегда.

Его упрямство и моя несносность спасли мне жизнь.

Они попали в аварию уже на обратном пути. Если бы тот ублюдок, что столкнул их машину с трассы, так что она врезалась в дерево, остановился и вызвал «Скорую», все могло бы сложиться иначе. Совсем-совсем иначе. Я бы выхаживала свою мамочку всеми силами, наплевав на свою несносность и неуправляемость! Я бы стала самой лучшей дочерью, поняв, что могла лишиться ее! Я бы даже помирилась с отчимом, убиралась бы в квартире, не шлялась вечерами. Бросила бы своего парня, что давно пора было сделать. Я бы сделала все-все-все, если бы она осталась в живых!

Но врачи прибыли слишком поздно, и в больнице мама и отчим прожили всего несколько часов. Не знаю, какими угрозами и посулами отчим прорвался к маме, хотя сам был при смерти, но она взяла с него обещание заботиться обо мне. Но и сам он прожил немногим дольше, только успев передать этот долг своему брату.

Мне тоже звонили, но я обиделась и выключила телефон еще с утра. Целый день просидела дома, а к вечеру ушла гулять, чтобы назло всем вернуться как можно позже. Сидела на трубах теплоцентрали в парке за пустырем и дулась, что вот они едят вкусные шашлыки, пьют вино и смеются, а я тут одна! Никто меня не любит!

В тот момент, когда умерла мама, какая-то птица пронзительно крикнула с небес, и у меня защемило сердце от боли, словно в него вошла толстая цыганская игла. Я скорчилась, глотая теплый воздух ртом и слепо глядя в пустоту и глупо думала, что вот, теперь мама пожалеет, что не взяла меня с собой.

Я была наивная идиотка восемнадцати лет, солнечное дитя, которое мама ограждала от всех бед. Я еще не знала, что моя счастливая жизнь уже закончилась.

1.

Я не помню ничего с того момента, как мне открыли дверь незнакомые люди, когда я вернулась домой к полуночи и до того, как бросила горсть земли на крышку гроба. Кажется, я так страшно кричала, что мне сразу вкололи успокоительное, потом еще и еще, держа меня все это время в мутном тумане, из которого я ничего не видела и не слышала. Наверное, я куда-то ходила и что-то ела, садилась в машины, стояла со свечой на отпевании и наверняка увидела дядю Андрея впервые именно в те три дня.

Но не запомнила ничего.

Вздрогнула, когда мягкие комья земли выскользнули из моей руки и застыла на краю могилы, разом очнувшись, словно в моей крови не было лошадиной дозы лекарств. Принялась озираться по сторонам, пытаюсь понять, как я сюда попала, споткнулась и чуть не съехала по укрытому брезентом склону прямо вниз, на мамин гроб.

Вскрикнула и забилась, когда меня жестко перехватили за живот, подняли и отволокли в сторону чьи-то суровые руки. Услышала голос: «Еще укол!» и пискнула:

– Нет, не надо!

Обернулась и увидела его.

Короткий ежик волос, жесткое волевое лицо со сжатыми в нитку губами и глазами цвета гречишного меда, белая, во-

преки всем традициям, футболка, отрывающая руки, полностью покрытые татуировками в виде черных языков огня, ремни с массивной пряжкой, вытертые черные джинсы.

Цыганская игла, все еще торчащая в моем сердце, провернулась, заставив его сжаться и нанизаться на его еще плотнее. В животе вспыхнул ледяной огонь страха. Мне показалось, что этот человек сделает мне что-то плохое, еще хуже того, что уже случилось, хотя моя вселенная и так распалась на куски.

Он взял меня за руку и, хмурясь, всмотрелся в глаза:

– Лиза, ты понимаешь, что происходит?

– Понимаю, – ответила я, хотя не понимала совершенно ничего. – А вы кто? И откуда меня знаете?

Он тяжело вздохнул, прикрыл глаза и сжал губы еще плотнее. И постоял так несколько секунд, как будто сдерживал себя, чтобы не начать орать.

– Меня зовут Андрей Калашников. Я брат твоего отчима. Ты можешь звать меня дядя Андрей. Теперь я твой опекун.

– Я совершеннолетняя! – я попыталась выдернуть руку. Какой еще брат? Какой еще опекун?!

– Тебе предстоит пять лет учебы в университете и ты пока не готова жить одна, – очень терпеливо и медленно объяснял он, но в глазах разгорался огонек раздражения. – Брат попросил меня позаботиться о тебе, пока ты не встанешь на ноги.

– Не надо обо мне заботиться! – я рванулась сильнее, но

крепкая рука сжала меня так, что завтра наверняка останутся синяки. – Я сама все могу!

– Ни у тебя, ни у меня нет выбора, – жестко сказал он, удерживая меня так, что я не могла даже двинуться. – Я пообещал брату перед смертью, а такие обещания надо исполнять. А тебе просто некуда идти. Так что выпрямись и веди себя прилично, после поговорим подробно.

Я просто взбеленилась! С чего он взял, что я должна его слушать?! Я даже отчима не слушала, если мама не вынуждала меня! А совсем левого мужика тем более не буду!

Дернулась, раз, другой.

Но дядя Андрей перехватил и вторую мою руку и мы оказались в опасной близости друг от друга. Он оскалил зубы и прошипел мне в лицо:

– Я сказал, веди себя прилично!

– Перебьешься! – я плюнула ему в лицо.

Моя мамочка умерла, а какой-то ублюдок будет диктовать мне, что делать!

Раздражение в его глазах сменилось на ярость, но выражение лица дяди Андрея моментально стало ледяным. Он развернул меня спиной, перехватывая под живот и оглянулся.

– Где этот чертов врач!

Но я не стала дожидаться, пока меня снова накачают наркотой. Он встал в очень удобную позу, в которой было так удобно размахнуться коленом и влупить каблуком прямо в пах!

Он выпустил меня буквально на мгновение, глухо хекнув и согнувшись, но я воспользовалась им, чтобы рвануть с кладбища со всех ног!

2.

Каблуки черных туфель взяли в черной кладбищенской земле, узкая юбка мешала бежать, но я не останавливалась, пока совсем не потерялась среди одинаковых аллей, пересекающихся под прямыми углами. Тут было тихо, только шумел в листве высоких тополей ветер и метались солнечные пятна по серым и черным надгробьям.

Никто за мной не гнался. Не знаю, почему. Вряд ли взрослый мужчина мог не догнать девушку в истерике и на каблуках. Наверное, ему было все равно. Теперь на меня всем все равно, мамочки больше нет.

Может быть, я плакала эти три дня, пока меня не было в мире, но я не помню. Я села на корточки, привалившись к ограде могилы и разрыдалась. Мама, мама, мама...

Как я буду без тебя? Кому я буду самой невыносимой заразой? Неуправляемой дрянью? Кто еще отшлепает меня по губам за мат?

Отругает за мусор в комнате?

Почему я не могла один-единственный день вести себя хорошо, чтобы поехать с вами, а не оставаться тут одной?

Так я сидела довольно долго, пока не начало вечереть и не начал накрапывать дождик. Густая грязь поплыла, мокрые волосы прилипли к лицу. Нельзя было больше здесь оставаться, надо было что-то решать.

Домой я вернуться не могла. Там больше нет мамы, и все стало страшным, чужим. И тот чужой мужчина тоже наверняка ожидает меня там. Не хочу.

А куда? У меня с собой вообще ничего не было. Ни ключей, ни денег, ни даже телефона. Все осталось в машине, наверное. Или еще где-то. У юбки нет карманов.

Кое-как я нашла выход из этого города мертвецов, к тому времени окончательно промокнув и извозившись в грязи. Впрочем, это было все равно не видно в темноте. Я дошла до остановки автобусов, надеясь попросить кого-нибудь одолжить мне денег или телефон. У кладбища люди должны быть отзывчивыми. Правда я не знала, куда ехать и кому звонить. Но тут мой взгляд упал на табличку с номерами автобусов и я узнала один из них. Он шел как раз мимо дома моего парня, Миши.

Я обрадовалась. Вот и выход! Он же наверняка позволит мне остаться. Или хотя бы обсохнуть и решить, что делать дальше.

Вошла в автобус через заднюю дверь, не заплатив, но водитель, видимо, сжалился и не стал меня высаживать. Так и доехала, а потом дошла до пятиэтажки, где жил Миша с родителями.

3.

Миша открыл дверь и очень удивился. Изумился даже. Осмотрел меня с головы до ног и обратно. Открыл рот, закрыл рот.

И наконец родил:

– Привет.

Представляю, как я сейчас выгляжу. Вся в черном, в грязи, мокрая и тушь наверняка потекла. Неудивительно, что он так смотрит.

Но мне правда некуда идти.

– Привет, Миш... Можно я у тебя обсохну? Родители против не будут? – я заглянула в дверь, думая, что надо поздороваться.

– Родоки в дом отдыха умотали. Я один, – он посторонился, пропуская меня. – Вали в ванную сразу, грязь не тащи.

Пока я грелась под горячим душем, он принес мне махровый халат своей мамы, а мои грязные шмотки закинул в стирку. Я не отдала только трусики, постирала их сама руками и повесила на перекладину под ванной. Буду уходить, заберу.

В тепле и сухости я почувствовала себя намного лучше. В сердце все равно была огромная кровоточащая дыра, маму уже не вернуть, и эта боль будет со мной вечно. Но хотя бы холодный дождь не добавлял мне страданий. А голова была

рада очиститься от успокоительного.

Миша был на удивление заботливым. Усадил перед телевизором, принес плед и горячую еду. Сам ничего не ел, только пил пиво. Предложил и мне. Я сделала несколько глотков, чувствуя, как расслабляются мышцы, напряженные во время бегства с кладбища. Сердце потихоньку оттаивало, я начала всхлипывать.

Миша обнял меня за плечи и привлек к себе. Я не выдержала и разрыдалась, уткнувшись ему в грудь.

– Ну ты чего? Чего сырость развела? – грубовато спросил он.

– Я так одинока... – всхлипнула я. – У меня никого нет. Совсем никого не осталось!

– Ну ты что, ты что? – он прижал меня сильнее и поцеловал в мокрые губы. – У тебя есть я.

Я обняла его и тоже поцеловала. Может быть, хотя бы он останется у меня от прошлой жизни. Даже позволила себе на секундочку помечтать о том, что он заберет меня себе, мы поженимся и мне не нужно будет даже встречаться с моим новым опекуном. Только забрать у него ключи от квартиры. И жить там вдвоем.

Правда Мише тоже надо учиться...

Но тут его руки стали настойчивее. Поползли вниз, задирая полы халатика.

Он уже не первый раз пытался перейти от поцелуев к чему-нибудь посерьезнее, но раньше делал это робко, просто

предлагая. Но я не могла же прямо на трубах отопления за пустырем лишиться девственности!

А сейчас...

— Миш, не надо, Миш...

Но он уже целовал мое лицо жарко и часто, присасывался к шее и вообще был лихорадочно возбужден, глаза горели, руки подрагивали.

— Миш!

— Ну ты чего? — как-то бездумно, с пустыми глазами, повторял он. — Ты чего, Лиз?

— Не надо... — попросила я, но он все равно завалил меня на диван. Халатик, под которым ничего не было, распахнулся сам. Он только спустил трусы и потеревил рукой меня между ног.

— Я с тобой... — выдохнул он мне в шею.

Он пытался попасть членом в меня, но я зажималась и не позволяла. Для него это тоже был первый раз, а я не знала, стоит ли сопротивляться.

Вдруг мы и правда могли бы пожениться? У меня нет никого роднее Мишки, я не хочу его отталкивать.

Он взял свой член рукой, а другой прижал мое бедро к дивану. В глаза он больше не смотрел и не целовал. Только сопел, пытаясь его вставить.

А я перестала сопротивляться. Мне вдруг стало все равно. Какая разница. Не сейчас, так потом.

Боль была несильной, только ноющей, как при месяч-

ных. Я закусила губу, вцепилась в мернодвигающиеся плечи Мишки и подалась бедрами вверх. Он заработал своим поршнем быстрее. Но не прошло и трех минут, как охнул, дернулся и упал на меня сверху.

А потом начал снова целовать мое лицо и говорить:

– Спасибо! Спасибо!

4.

Мне стало противно. Он выскользнул из меня и откинулся на спинку дивана, довольно улыбаясь.

– Миш, – сказала я тихо. – Ты меня изнасиловал.

– В смысле? – удивился он. – Ты ж сама пришла!

– Я разве за этим пришла? – горько спросила я. За чем? За утешением, за теплом. За чувством, что кому-то нужна.

Ну вот. Нужна.

– Не за этим? Сама сказала, что тебе одиноко. Родок дома нет, чего еще? Разве ты не на это намекала? – как-то агрессивно сказал Миша. – Или ты как эти, которые потрахались, а потом заяву катают? Так у меня денег нет, взять с меня нечего!

– Миш, хватит... – я попыталась накинуть полу халата на себя, чтобы не лежать с раздвинутыми ногами, но она оказалась вся в крови.

– Чего хватит? Сама шалава, а я виноват!

– Миш, – я встала и покачнулась. Между ног саднило. – Отдай мои вещи.

– Не высохли еще, – буркнул он, сдуваясь.

– Отдай мои вещи.

– Ну чо ты? – примирительно сказал он и дернул меня обратно на диван. – Оставайся, повторим.

– ОТДАЙ МОИ ВЕЩИ!!! – заорала я во все горло.

– Больная! – Рывкнул он и пошел к стиралке. Доставал оттуда еще влажные юбку и блузку и кидал в меня. – Психопатка! Истеричка!

Я, всхлипывая, пыталась натянуть их на себя. Туфли без колготок тут же начали натирать.

Мишка не попытался меня остановить, пока я возилась с замком в прихожей.

Выскочила из подъезда и поняла, что ситуация еще хуже. Уже ночь, я в мокрой одежде... и вот теперь возвращаться мне точно некуда. Не в подвал же идти.

Я добрела до своего дома, поднялась к нашей квартире, думая, что же я буду делать, если там никого нет. Посплю на лестнице?

Но он был. Брат моего отчима сидел прямо на ступенях, как будто не первый уже час. Увидев меня, он молча поднялся, отпер квартиру и впустил меня. Я направилась в ванную, но он остановил меня жестким тоном:

– Собирай свои вещи. Все, что надо на месяц. Будешь жить у меня.

Я не знала, что сказать. У него, так у него. Тупая усталость навалилась на меня. Низ живота саднил, кровь между ляжек высыхала и стягивала кожу. Я покидала все подряд из шкафа в чемодан, загрузила сумку всем, что было на столе и вышла в коридор.

Дядя Андрей подхватил и чемодан, и сумку и пошел спускаться по лестнице. Я дождалась лифта.

У подъезда стоял мрачный черный «гелендваген», который я сразу не заметила. Он закинул в него вещи, распахнул заднюю дверь и жестом предложил мне туда сесть. Прямо мокрая, как была, я забралась на задний диван из молочного цвета кожи и свернулась там калачиком, легкомысленно решив, что пристегиваться не буду. Разобьемся так разобьемся. Быстрее попаду к мамочке.

Мой новый опекун посмотрел на это, но ничего не сказал. Захлопнул дверь, сел за руль и мы поехали в мою новую жизнь, полную кошмаров.

5.

Я проснулась от того, что стало слишком тихо. Машина остановилась, мотор заглох, и вокруг не было привычного мне шума большого города. Полная тишина глубокой ночи, как в кошмарах. Может быть, поэтому я очнулась с лихо бьющимся сердцем и вся в поту. Вокруг было совершенно темно. Тело затекло, хотя задние сиденья в «гелендвагене» скорее похожи на диван. Но пока спала, я ни разу не шевельнулась. Но теперь села и попыталась разглядеть сквозь темные окна хоть что-то.

Дверца машины открылась.

Я осторожно выглянула.

Дядя Андрей стоял, сложив руки, и ждал, пока я вылезу.

– Мы уже приехали? – нервно спросила я. Он не ответил.

Пришлось выбирать. Мои вещи уже стояли на гравийной дорожке. Я попыталась взять сумку, но увитая татуировками рука оттолкнула мою руку, и мужчина подхватил и чемодан, и сумку.

– За мной, – коротко скомандовал он.

Шевелиться в высохшей, заскорузлой от холодного дождя одежде, было неприятно, но я поторопилась. Там мне дадут вымыться, я надеюсь!

Фары у машины были выключены, но вокруг была все же не полная темнота. В кустах, растущих по бокам от дорож-

ки, по которой мы шли, в густой траве прятались крошечные светильники. И когда глаза привыкли к темноте, я увидела, что идем мы от бетонной площадки у ворот к двухэтажному дому. На первом этаже окна были панорамные, в пол, а над ними темная вывеска: «Стоматологический кабинет Белая Лилия».

Но мы направились не к высокой двери под ней, а в обход, к калитке, ведущей на задний двор. Очень большой задний двор. Я даже ахнула, потому что там, в темноте, таинственно мерцала вода в большом прямоугольном бассейне, вокруг которого стояли шезлонги и столики, а за ним росли кряжистые яблони с жилистыми стволами.

Ничего себе!

Это его дом? Дяди Андрея?

Отчим был не очень богатым человеком, а у его брата на участке целый бассейн! И «гелик»! И...

Неужели он зубной врач? Я недоверчиво покосилась на идущего сбоку дядю Андрея. Я бы к такому злобному стоматологу никогда не пошла.

Из маленького холла на первом этаже на второй вела винтовая лестница. Дядя Андрей шел первым, с легкостью, как будто они ничего не весили, таща мой чемодан и сумку.

На втором этаже ярко вспыхнули лампы, когда мы туда вошли и опекун замешкался на несколько секунд, словно выбирая, куда идти. Прямо была огромная гостиная-столовая с камином, диванами, телевизором и длинным столом. Нале-

во и направо расходились коридоры с закрытыми дверями. Наконец решение было принято и мы направились налево.

Андрей открыл самую дальнюю дверь, окна в которой выходили на задний двор. Щелкнул выключателем. Сгрузил вещи на пол.

Мы были в небольшой безликой комнате с белыми стенами, белыми шкафами, белой кроватью и белым комодом. Только покрывало на кровати было светло-серым, едва заметной уступкой.

– Это твоя комната. Устраивайся надолго. Что будет нужно дополнительно, обсудим завтра. Не забудь принять душ, гостевая ванная вторая дверь направо.

Я вспыхнула от ярости и стыда. Что значит «не забудь принять душ»?! Я что, такая свинья?!

Но оглядела себя, вспомнила, как испачкала молочные сидения его «гелика» и покраснела еще сильнее. Не уверена, что все три дня, которые я не помню, я часто мылась. На автопилоте вряд ли.

– Телефон, – сипло каркнула я, голос не слушался. – Отдайте телефон.

Я не знала, где он. Наверняка у него, где еще? Но там были все мои контакты, все мои друзья, вся моя жизнь. Пришло время получить его обратно.

– Этот? – Андрей полез в карман и достал мое «яблочко». Рука сама дернулась, но он отодвинул его от меня. – Пароль какой?

– Чегооооо? – я охренела. – Отдай телефон, быстро!

– Скажешь пароль, получишь его через час, – Андрей вертел мою «десятку» в пальцах, и я ревниво следила, как телефон почти выпадает у него из руки, но он заново его подхватывает. – Не скажешь, получишь, когда спецы взломают.

– Айфон нельзя взломать!

– Значит не получишь, – пожал он плечами. – Так пароль?

– Это моя собственность! Вы не имеете права!

– Подай на меня в суд. – Опекун холодно посмотрел на меня. – Я не мой мягкий брат, я не буду потакать твоим капризам. Я проверю все твои контакты, отсеку твоих друзей-наркоманов, потом будешь общаться только с теми, с кем я разрешу. Хватит. Ты уже довела свою мать и моего брата, у меня будешь жить так, как положено.

– Вы мне никто! Отдай телефон, ты, урод! – Я попыталась забрать его из руки Андрея, но он поднял ее выше, и я не допрыгнула.

Я повисла на его плече, стукнула его в грудь, попыталась подтянуться, но он стряхнул меня с себя.

– Советую успокоиться, а то твоя жизнь в этом доме начнется с наказания. Все, спать. Пароль от вайфая получишь, когда сдашь мне на просмотр свой ноутбук.

И он просто вышел с моим телефоном в кармане! И хлопнул дверь!

Я упала на кровать и разрыдалась.

– Не забудь про душ! – Раздалось за дверью.

Андрей

1.

Голова трещала как с похмелья.

Я с трудом поднялся, сел, спустив ноги на пол и некоторое время просидел так, не пытаясь думать, с чего вдруг мне так херово, если я точно вчера не пил. Откуда я помню, что не пил, я тоже пока решил не думать.

Окна спальни с самого начала и навечно закрывали плотные жалюзи и светонепроницаемые шторы. Мог бы спать в комнате без окон, ничего не изменилось бы. Но... привычка, что ли?

Протянул руку, чтобы включить свет, но передумал. Зальет сейчас пронзительным сиянием, взрежет темноту взгляда, вопьется в мозг. Нет, не заплутаю по дороге к двери, чай. Мышцы ломало так, словно у меня была температура под сорок И похмелье одновременно. И тренировка после большого перерыва. Но попытка устремиться мыслями во вчерашний день отозвалась звоном в голове. Не надо пока.

Прошлепал на кухню, не открывая глаз, щелкнул кнопкой чайника. Покачнулся, оперся на стол и тяжело дыша открыл глаза и посмотрел на пол, выложенный черно-белой плиткой.

Последний раз так херово было, кажется... никогда? Нет,

вру. Когда слезал с героина было хуже. По сравнению с ломкой насухую мне сейчас очень даже ничего.

Чайник издал тихий звон. Я потянулся за чашкой, открыл шкаф и достал деревянную коробку с зеленым чаем. Будем спасаться ЗОЖем... Интересно, почему не прозвенел будильник?

Что же вчера было, что я его выключил? А работа как же?

Было ощущение, что я разворачиваю складки собственного мозга, слепленные кленовым сиропом. Вспомнил, как вешал объявление, что закрываюсь на неделю, вот телефоны экстренной стоматологии. Вспомнил, как утром стоял в гардеробной и тупо гонял по кругу мысль: футболку белую или с «Арией». Белую или со скелетами в огне. Белую не по традиции, скелеты в огне неуместны на кладбище.

Кладбище!

Виталик!

Рука дрогнула и кипяток из чайника расплескался по мраморной столешнице, закапал на пол, ящичек с чаем полетел с высоты, рассыпаясь и завариваясь в чай прямо на плитке.

Горечь на губах, шрамы на внутренней стороне щеки – закусывал, когда разговаривал с ним в последний раз.

Оперся руками на стол и дышал, дышал, дышал. Снова напряглись мышцы как в последний раз в жизни. Вот откуда боль. Все тело на взводе, словно это спасет, словно можно куда-то бежать и кого-то бить, чтобы спасти брата.

Так и не помирились. Последний час перед его смертью

только и делали, что разговаривали, а ведь боялся всегда, что не успеем попрощаться, думал, что если поговорим, то всегда сможем простить друг друга.

А он ответил, что простит меня, только если я присмотрю за мелюзгой, пока она учится.

Стоп. Мелюзга.

В паху взорвалась искрами фантомная боль, холод скрутил мышцы, застывшие от долгого неподвижного положения, рассыпался под огнем разорванных мускулов, когда пытался догнать эту мелкую проблядь, которая хуйнула прямой наводкой по грязи так шустро, что уже через пять секунд скрылась, пока я разгибался и пытался отдышаться после удара по яйцам.

СССССССУКА.

Убью.

Должно быть, она издала какой-то звук, когда смотрела, как меня корчит и выворачивает.

Обернулся и увидел, что Лиза стоит в дверях и пялится на меня широко открытыми глазами. Встретилась с моим взглядом, вздрогнула всем телом. Перевела глаза ниже, еще ниже... Распахнула их еще шире и с таким ужасом будто Ктулху увидала. Посмотрел, что она там нашла.

Пиздец!

Всего лишь утренний стояк. И трусы я на ночь не надеваю.

А про то, что у меня в доме теперь будет жить мелкая сучка, про которую даже мямля-Виталя выражался на наших с

ним встречах исключительно матом, я забыл начисто.

– На хер пошла! В комнату! – Рыкнул я.

Ее сдуло мгновенно.

Сделал шаг в сторону и взвыл – вляпался прямо в расплескавшийся по полу чай.

Опустил на стойку руки, оперся на них лбом и закрыл глаза.

Мой ад только начинался.

2.

– Значит так.

Я вошел к ней без стука, благо гостевые спальни не запирались. Успел натянуть спортивные штаны и даже почистить зубы. Выпил таблетку растворимого аспирина и сделал маленькую разминку. Все в надежде, что меня отпустит.

Легче не стало. Над головой висели дамокловым мечом обещания, данные умирающему брату. Пришлось явиться к нахалке и начать с правил:

– В этом доме действуют свои правила и ты им будешь подчиняться. Первое – домашний арест. Пока я не пойму, что ты из себя представляешь, из дома тебе выходить запрещено.

Сучка высунула нос из-под одеяла, куда нырнула, когда я вошел и раскрыла пасть:

– Это незаконно!

Улыбнулся яростно:

– Уже говорил. Подай на меня в суд.

Затихла.

– У меня даже паспорта нету...

– Вот! – я поднял палец. – У тебя вообще ничего нет. Зато у меня есть справка от врачей о твоём психическом состоянии. Так что молчи и слушай.

Что-то пробормотала, но спряталась обратно и притихла.

– Второе. Комендантский час. Пока ты под арестом он означает, что в девять вечера ты в своей комнате и выходишь не раньше десяти утра. Можно в туалет. Все. Потом, когда начнешь выходить, это правило будет расширено. Ты обязана быть с девяти вечера и до десяти утра в доме.

– А поесть? – Из-под одеяла показался один глаз с размазанной тушью. Надеюсь, в душ она все-таки сходила.

– Третье. Еда. Мне привозят готовую еду на день каждое утро. Ты можешь посмотреть, выбрать меню и заказать. Тебе тоже будут привозить. Но это единственное, что ты сможешь есть, пока я не разрешу тебе выходить, поэтому подумай хорошенько и не выебывайся с диетами. Мою еду есть нельзя.

– А то что? – Она резко села в постели.

Пришла моя очередь охреневать.

Это вообще законно: надевать на половозрелых мокрощелок маечки из такой тонкой ткани, что сквозь нее видно не только стоящие соски на девичьей груди, но и темные ареолы? Они когда продают такие пижамы, паспорт не спрашивают, что ли?

И видно, что кроме этой майки на ней больше ничего нет. Ну, трусы, наверное, есть, но бедро выглядит голое.

– Прикройся, – процедил. – Мне в доме только шлюхи не хватало. Свои привычки ты забудешь.

– А что что?! – Вместо того, чтобы прикрыться, она наоборот – откинула одеяло и встала на коленях в кровати.

Я был прав – микроскопические трусики и все. И майка

заканчивается едва под грудью. Стоит вообще это все надевать в постель, не проще уже голой спать?

– А то узнаешь, каким я бываю злым. Прикройся. Сейчас. Иначе комендантский час продлится до 24 часов в сутки. Запру снаружи и поставилю ночной горшок.

– Какой же ты мудак, дядя Андрей! – Шипит девица. – У меня мама, между прочим, умерла!

– А у меня брат. – Парирую. – Только никто из них не озаботился сделать из тебя человека. Мне с тобой жить пять лет. Так что сейчас мы установим четкие правила и всем будет хорошо. Или ты будешь выбешивать меня и тебе будет плохо.

– Нет, тебе! – Рычит она мне в лицо. Я и не заметил, что подошел к ней вплотную.

Смотрю и бесит. Просто бесит.

По идее у меня на почти голую восемнадцатилетку должно вставать, но вместо этого сжались кулаки и челюсти.

Племянница, блять!

Дрянь разбалованная!

– Пароль от интернета получишь, когда откроешь доступ к своей переписке, – продолжаю диктовать правила. – Нет, так нет. Книжки читай.

Кривится. Книжки ей не нравятся. Тупая как все нынешние молодые соски. Мозгов не хватает на инфу длиннее записи в Твиттере и даже видео уже не могут смотреть дольше минуты в ТикТоке. Была бы моей дочерью, воспитывал бы

с детства нормальную.

Но она не моя. И даже не брата. Чужое испорченное семя. Которое стало моей проблемой.

Смотрит на меня наглыми глазами и покачивает бедрами. Специально пытается соблазнить или просто испорченная по сути своей?

– Это тебя книжки научили быть таким мудаком? Ты зубной врач? Это потому что ты садист, вот и выбрал работу, чтобы людей мучить?

– Да. Я стоматолог. Могу провести профилактический осмотр.

Она заинтересованно глянула на меня, а я сделал к ней шаг, ухватил одной рукой за челюсть с двух сторон, сжал так, чтобы она открыла рот.

– Аааааааа! – заорала маленькая дрянь.

Отпустил.

– Ни одной пломбы. Молодец. Умеешь чистить зубки.

Развернулся и ушел, потому что испугался, что сейчас просто придушу нахалку.

Выбесила.

3.

Когда Олег с Глебом увидели мой спортзал в подвале, они оба долго ржали, гиены страшные. И спрашивали, точно ли я стоматолог, потому что клиника наверху по площади меньше, чем мой домашний фитнес-клуб. Может, мне переквалифицироваться в тренера и поддерживать тут под попки жен и дочерей бизнесменов, живущих в нашем поселке, пока они крутят педали и качают пресс?

В чем-то они оказались правы. Не одну и не двух сочных телочек я драл на скамье для гиперэкстензии и вылизывал между широко разведенными бедрами на тренажере для прокачки ног. Но все же свой парк боевых машин я собирал для другого.

Братец часто говорил, что мне надо было идти в боксеры, а не в медицину. Мое призвание калечить людей, а не лечить. Он-то сам сроду не переступал порог спортзала и не догадывается, что боксеру самоконтроль нужен побольше стоматолога. Хотя и стоматолог в элитном жилом поселке для избалованных баблом богачей тоже чувствует себя как на минном поле.

Лучше всего за время практики я прокачал навыки анестезии. Не дай боже свежая соска какого-нибудь толстосу-ма пискнет при отбеливании зубов! Сложные случаи давно приходилось отправлять в город, потому что гарантировать

гламурность лечения я не мог, все как-то привык за время ранней практики быть хорошим врачом, а не прислугой, которая делает как скажут.

Но и мне оставалось чем душеньку порадовать. Несколько старых бойцов привыкли терпеть любую боль и ценят качество, а не красоту, поэтому тоже ходят ко мне, в «Лилию» лечить ошметки того, что осталось после голодного детства, жестокой юности и пофигистичной молодости.

А спортзал для души. Напрячь мышцы до полного отказа, вымотать тело искусственно, чтобы на угрозы оно отвечало вялым: «Отъебись» и не пыталось дать никому в морду.

Хотя дорогой племяннице в морду не хочется. Хочется просто придушить нахуй. Жаль, нельзя. И Уголовный кодекс против, и братик в загробном мире не оценит. Поэтому три часа силовых и еще час на дорожке пришлось совершенно некстати. Не было у меня сегодня столько времени, но только к финалу стало отпускать.

Надо было не поддаваться на уговоры матери и копать нормальный олимпийский бассейн, а не эту лужу для вечеринок. Да, вид у сада был бы не тот. Его бы вообще не было, сада этого. Зато быстрее ухайдокался бы.

Я вернулся наверх, с трудом сгибая ноги после тренировки и предвкушая как закинусь сейчас протеиновыми батончиками и уже на первом этаже почуял неладное. На втором стало ясно, что дрянь не вняла угрозам.

На весь этаж гремела музыка. Какая-то жуткая современ-

ная попса. Разобралась, стало быть, с аудиосистемой. А сама Лиза танцевала в той же самой футболке и трусиках посреди гостиной перед панорамным окном. В принципе, будь желающие, то с улицы можно было бы насладиться бесплатным блядским стриптизом. С дальнего края как раз окно просматривается.

Пляшет, подпрыгивает, сиськи трясутся, жопой вертит. Сгибается, разгибается. У меня в глазах темнеет от ярости, которой даже в мышцы не выплеснуться, там сейчас все забито.

Подошел, дернул за локоть к себе.

Она не ожидала. Не услышала, как я поднимался.

Заверещала, начала брыкаться, упала мне под ноги и сидит, сопли размазывает.

– Что, блядь, здесь происходит?! – Рычу.

– Я просто танцевала...

Она даже не делает попытки подняться.

Сидит на попе в задравшейся маечке, растрепанная и ревет.

– Какого хера ты делала это здесь?!

– А где? В комнате места мало и телефона нет, а тут у вас... колонки...

Всхлипывает и вдруг поднимает на меня глаза:

– Простите, дядя Андрей!

4.

Блестящие слезы в уголках глаз, стоячая грудь под маечкой, открытый плоский животик и смотрит снизу вверх.

Взрывная эрекция – это когда ВСЯ кровь отливает и от мозга, и от мышц и устремляется в одно место. В глазах темнеет, член чуть не лопается, мозг тело не контролирует.

Сука, как надо было умудриться собрать все мои фетиши! Дерзкой дрянью она была для меня только неудобной и тупой обузой, а покорной плачущей и просящей прощения... Я не засунул мгновенно устремившийся вверх член ей в распахнутый в плаче рот только потому что мышцы после тренировки тупо ушли в отказ.

Только покачнулся от головокружения и оперся на несущую колонну. В штанах у меня блять теперь несущая колонна. И она заметила, пялится на шатер на спортивных шортах.

– В свою комнату. Сейчас.

Просипел, но она слышала даже через гром музыки. От связок кровь тоже отлила.

– А я книжки хотела взять, вы говорили можно? – и если она сейчас засунет пальчик себе в рот, я ее точно выебу. Послушная, покорная, умненькая... Ааааа...

– Сначала книги. Потом в комнату. И не выходить.

– А в туалет?

Блядь.

– Только в туалет.

Прикрыл глаза, чтобы не видеть, как она тянется за книгой с верхней полки.

И стоял так, пока не ушла из гостиной.

Хлопнула дверь гостевой. Ну хорошо. А вот теперь, мои дорогие части тела, будем разбираться, что это было. Меньше порнухи надо смотреть: «покорная рабыня с наслаждением отсасывает господину и благодарит за науку»? Больше ебать неверных жен этого поселка? Дрочить каждое утро? Ввести правило ходить в мусульманском платье и желательно в платке? Нет, лучше в парандже.

Сказать, чтобы дерзила и дальше?

Дождавшись, пока перестанет покачивать, пошел на кухню, достал свою коробочку с едой «После тренировки». Пока разогревалась, высыпал в блендер три ложки протеина с шоколадным вкусом и прямо тут сел пожрать.

Сытый организм не рвется никого трахать прямо сейчас.

Из комнаты не доносится ни звука. Пусть делает, что хочет. Хоть книжку читает, хоть в интернете сидит, лишь бы не высовывалась.

Да, я же сам запретил интернет!

Надо что-то придумать.

И завтра у меня уже прием, кончился отпуск.

Достал планшет, пролистнул записи.

С удовольствием увидел, что на вечер назначено у Королевой. Вот это будет прекрасное завершение дня. Надо ас-

систентку не забыть отпустить пораньше. Королева мне восстановит кислотно-щелочной баланс где положено.

А вот на утро у меня десятилетний пацан со сложным карьером на четверке.

Я вышел, чтобы спуститься в клинику и посмотреть данные по Егору, глянуть старые снимки и невольно покосился в сторону гостевой комнаты. Из темноты сверкнули глаза.

Поняв, что я ее заметил, Лиза ойкнула и прыгнула к своей двери, вновь сверкнув практически голой жопой.

Член отреагировал соответственно.

Вся работа насмарку.

Пиздец.

На свою голову.

В одном состоянии девка меня бесит до желания убить, в другом возбуждает до желания изнасиловать.

Я попал.

Отпер дверь клиники, посмотрел на мерцающий экран компьютера и запер обратно.

Остаться сейчас в доме просто неумно. Что бы сейчас девка ни сделала, я пожалею о том, что сделал после этого с ней. А у меня и без того перед Виталькой долгов до гробовой доски.

Поэтому я вернулся к себе, взял телефон и набрал Светку.

Лиза

1.

Я услышала, как внизу хлопнула дверь и тут же метнулась через весь дом к панорамному окну в гостиную. Черный «гелик» вырулил со стоянки у дома и попылил вдаль по дороге. Дядя Андрей уехал. Взял просто и уехал!

Оставив меня одну в доме...

Ха! Это он зря.

Сначала я наведальась на кухню и нашла там каталоги до-
ставки еды, про которую опекун говорил. Диету не соблю-
дать, значит? Хрен ему, а не моя диета! Решил дешево отде-
латься.

Я с предвкушением перелистнула каталог. Там были на-
боры для спортсменов, для худеющих, для тех, кому просто
лень готовить, но в конце там были элитные наборы из луч-
ших продуктов!

От суммы за месяц питания салатами из креветок и авока-
до, тостами с красной икрой и тарталетками с черной, даль-
новосточными крабами и новозеландскими стейками, тай-
ландскими манго и трюфельными спагетти у меня глаза вы-
лезли на лоб. Это была целиком мамина зарплата и зарплата
отчима вместе взятые.

Я долго выбирала между элитной фруктовой диетой и

элитной морской, но сдалась и взяла тупо самую дорогую. Ничего, продаст свой «гелик», чтобы прокормить меня.

Хотя я конечно была уверена, что он откажет. Просто любопытно было посмотреть – как!

В холодильнике не нашлось ничего вкусного, кроме его собственных коробочек, лайма и парочки яблок. Я их забрала себе. В шкафчиках стояли банки для круп без круп и наборы элитных специй. И куча просто всякого кулинарного хлама, которым никто никогда не пользовался.

А вот шкаф для вина меня заинтересовал. Скучные сухие вина я отставила в сторону, зато нашла шампанское! Надеюсь, оно дорогое. Взяла сразу две бутылки и спрятала у себя в вещах.

Станет грустно – напьюсь.

Еще две гостевые комнаты кроме моей были скучными. Тоже белые с серым, только картины над изголовьем кровати разные. В одной лилии в пруду, в другой девочка с рыжими волосами. В кладовке стеллажи занимали одинаковые коробки подписанные мелким аккуратным почерком. Я попыталась их читать, но после десятка всяких «документы на бытовую технику», «платежки на материалы за 2011-й год», «шурпы шпалерные», «запасные фильтры для вытяжки» заскучала и бросила это занятие. Не будет же он писать «резиновые хуи» таким же аккуратным почерком? Небось под шурпы замаскирует, а открывать все слишком скучно.

Потом я заглянула в гардеробную. То есть сначала я не

поняла, подумала, что это вторая кладовка, но потом там зажегся свет и я увидела кучу костюмов, рубашек, галстуков, футболок. И даже трусов. В ящике, куда я засунула нос. Прямо как в фильме про суперагентов. И все такое же серое или черное или белое. Я подергала за светильники, но тайного гардероба не открылось.

Зато здесь была дверь в спальню Андрея. Он запер ее снаружи, но забыл про вход отсюда!

Я приоткрыла дверь... и удивилась. Я ждала, что там тоже будет все черно-белое, но оказалось, что скучность дядечки распространяется только на обычную жизнь. А в спальне у него просто гигантский траходром, застеленный шелковым бельем алого цвета. Окна тут были закрыты жалюзи, свет проникал только из гардеробной. Я нашарила выключатель.

Лампочки зажглись по периметру потолка, скрытые, они не светили в глаза. А еще рядом с выключателем было колесико, которое меняло их яркость.

Я с разбегу запрыгнула на огромную кровать и тут же спрыгнула обратно. Фу, он тут голый жопой лежал и своим... хреном о простыни терся. Фуфufу!

Зато успела заметить кое-что интересное. От спинки вниз шли какие-то цепочки. Я подошла поближе и потянула за них... и вытянула кожаные наручники!

С заклепками!

Ох нифига себе у меня дядя затейник!

2.

Мне сразу же захотелось забраться во все тайные шкафчики!

Но тумбочка рядом с кроватью содержала только презервативы. Обычные, даже не XXL, хаха! Лох.

И смазку. Он что – в жопу трахает кого-то? Извращенец!

Еще у окна стоял большой деревянный комод.

Я выдвинула первый ящик. Труссы.

Второй. Носки.

Третий. Футболки.

Ну четвертый! Хоть там должно прятаться что-нибудь еще горяченькое?

Но он не открылся.

Я присела на корточки и увидела цифровой замок. Потыкала в кнопки, но не помогло.

Если там и хранится что-то извращенское, он, выходит, перед каждым сексом вскрывает свой сейф? Вот больной.

Но любопытство грызло меня изнутри. Что же, что же там может храниться у человека, который наручники и смазку не стесняется выставлять?!

У меня воображения не хватает. Вернусь сюда, когда придумаю, как взломать замок. Или буду надеяться, что Андрей как-нибудь забудет его запереть.

Аккуратно уничтожая все следы своего присутствия в

спальне и гардеробной, чтобы раньше времени не запалиться, я вдруг замерла от страшной мысли.

Он тут, значит, шпилится со своими бабами? Прямо дома? И при мне будет?!

А я буду слышать через дверь все эти ахи-вздохи?

Интересно, а мне тогда парней приводить можно?

При воспоминании о том, как Мишка толкался в меня, забыло внизу живота. Вряд ли мне теперь когда-нибудь вообще захочется секса.

Это воспоминание потянуло за собой следующее – как я сидела на кладбище в темноте и плакала. А оно – о комке земли, брошенном на гроб. Память о трех днях так и не возвращалась. Выходит, я даже не видела мамочку мертвой, последнее, что я о ней помню, это как она захлопывает за собой дверь с поджатыми губами. И потом они уехали.

Я стиснула кулаки, так чтобы ногти впились в ладони. Было слишком больно думать об этом. Игла шевелилась в сердце и дергала, отдавая искрами боли то в руку, то в ногу.

Пойду лучше дальше осваиваться в доме.

На первом этаже был вход в клинику. Прозрачная дверь была заперта, за ней просматривались темные коридоры – и все. Зато вниз вела лестница в подвал. Ага! Может, там этот извращенец и держит свои извращенские причиндалы? Плетки какие-нибудь. Или что там у них бывает еще?

Но эта дверь тоже не поддавалась. Да что такое! Ничего, расслабится дядя Андрей... Или вообще ключи украду, пока

будет спать!

Я выбралась во двор, где оставалось самое вкусное. Бассейн. Рядом с ним стояли диванчики с подушками под навесом и столики. Быстренько обежав сад по периметру, я не нашла ничего любопытнее бассейна и рванула в свою комнату. Должен же у меня быть купальник?

Но перевернувши все свои вещи и найдя много странного вроде целого пакета мандариновых корок, я ничего не нашла. Корки на всякий случай оставила. Ведь что-то меня заставило положить их в чемодан?

А купаться хотелось...

Я задумалась ненадолго. Яркие трусы и футболка, как мы в Тае купались! Сойдет! И я ссыпалась вниз по лестнице и сразу с налету нырнула в бассейн!

Вода оказалась такой теплой! Не бывает такой теплой воды у нас даже летом. Наверное, подогревается. Мне бы и так нормально было, но в теплой плавать был особенно радостно. После всего, что произошло, вода как будто ласкала мое тело вместо Миши, чего он не делал. Утешала и гладила по голове вместо мамы, которой больше не было. И была чем-то единственно хорошим в этом новом кошмарном доме.

Я выбралась из воды и решила обсохнуть на ветерке. Пробежалась снова по участку. На дальнем краю, за плодовыми деревьями, был невысокий холм, с которого было видно убегающую через поля дорогу и лес на горизонте. Вот бы туда сходить. На шашлыки.

В прозрачном белом небе крикнула какая-то птица и я снова окунулась в тот момент, когда еще не знала, что мамы больше нет.

Села, обняла колени, уткнулась в них и поплакала, чувствуя как теплый ветер высушивает мокрые волосы.

Подняла голову, вытирая слезы, обернулась и заметила знакомый «гелик», пылящий по улице к дому. Ой!

Я взлетела по лестнице в свою комнату, скинула мокрую футболку прямо на пол и накинула какой-то сарафан. В нем и встретила Андрея, который вошел в мою комнату почему-то без стука!

Он был такой довольный, как кот, наевшийся сметаны. Бросил на покрывало ноутбук и сказал:

– Интернет настроен. Можешь ходить, куда хочешь, но имей в виду, что в нем следилка и все твои переписки я могу прочитать. И проверить чем ты в интернете занималась!

Ну охренеть!

3.

Всю ночь до пяти утра я шарилась по интернету, смотрела ролики, читала форумы, просто тупила гоняя мемы со страницы на страницу. Соскучилась очень!

В свои аккаунты зайти не решилась. У меня там много такого, чего моему названному дядечке видеть совсем не стоит! Но я попозже поищу анонимайзеры, чтобы нельзя было проследить, куда я хожу.

Вот то, что он не отдаем мне телефон, это хуже. Номера своих друзей я конечно не помню.

И паспорт тоже у него. Вот это я попала, конечно...

Проснулась поздно. Куда вставать? Теперь до сентября я свободна, пока не начнется универ. Хотя какой теперь смысл в учебе? Это все было для мамы. Устроюсь в «Теремок» блины печь и все. Впрочем, нет. Лучше официанткой в приличное заведение. Буду разводить богатых мужиков на чаевые.

Я повеселела, придумав этот план. Квартира у меня есть, на коммуналку как-нибудь заработаю, еды мне много не надо. Попрошу этого Андрея меня отпустить. Нафиг мне сдалось его опекунство.

В холодильнике обнаружилась стопочка контейнеров, подписанных «Лиза».

Я достала верхний, подписанный «Первый завтрак».

Гречневое суфле с клубникой и миндалем?

Это что за извращение?

Вторая коробочка была для второго завтрака и там были кнели из авокадо и сыра тофу.

Что такое кнели? Что они мне вообще привезли?

Наклейка гласила «Элитное меню».

Овощной салат с сернурским сыром гриль, конгрио на гриле, ложное ризотто из пасты орзо и соуса песто, ростбиф су-вид с каперсами и рукколой...

Вот это я прикололась! Андрей и правда заказал, а мне теперь это все есть!

Зажмурившись, я попробовала съесть гречневый мусс. Ну... Если не вдумываться, то ничего. Клубника точно вкусная. Но клубника была в холодильнике просто так. Ею я и позавтракала, чтобы не доедать это странное из коробочки.

Опекуна нигде не было видно, спальня его была заперта и гардеробная на этот раз тоже. Как бы не оказалось, что вчера был мой единственный шанс проникнуть в его жизнь...

Я спустилась на первый этаж. Стеклянная дверь в клинику на этот раз была открыта. Внутри играла спокойная музыка, горел неяркий свет, на столике у дивана в комнате ожидания стояла ваза с фруктами, а за белоснежной стойкой ресепшена сидела блондинка в медицинском халатике с огромными искусственными буферами. Прямо как из порнухи сбежала. Когда она встала, чтобы поставить в шкаф какую-то папку, я увидела, что халатик едва прикрывает ее задницу. Кто-то ходит сюда, чтобы полюбоваться на эту шлюху?

Дверь в кабинет была закрыта и только я решила пройти и познакомиться с этой секретаршей или как ее, как она открылась, и оттуда вышел Андрей. В голубой форме и черной шапочке. Он снял маску и начал что-то говорить секретарше, а я пока стратегически отступила.

Он, конечно, выглядел горячо в этой форме! Она оттеняла его смуглые руки, хотя и закрывала татуировки, штаны на заднице натягивались так, что аж в горле сохло, я даже забыла, что он меня бесит. Но он быстро напомнил.

Потому что я соскучилась таскаться по интернету и жрать всякие салаты из киви с семенами чиа, надела снова свою длинную футболку и спустилась поплавать в бассейне. Вода бодрила и утешала, пока я не услышала окрик:

– Эй! Ты!

Андрей стоял на краю бассейна в своей форме и на вид был очень зол.

– У меня имя есть, – заявила я подплывая к этому краю и вставая на ноги, тут бассейн поднимался.

Он бешено посмотрел на меня, перевел взгляд на футболку, облепившую грудь:

– Ты не охренела, Елизавета, плавать голой на глазах у людей? Сюда клиенты могут выйти!

– А вы мне ничего про клиентов не говорили и в правилах дома не было запрещено плавать в бассейне, – вежливо ответила я.

Ну как – вежливо...

Как смогла.

– Какого хера ты не надела нормальный купальник?! – взбеленился Андрей. – Что за бледская вечеринка мокрых маек?

– У меня нет купальника! – заорала я в ответ.

Кричать, стоя по пояс в теплой воде бассейна, глядя на него снизу вверх, когда солнечные блики слепят глаза, было очень неудобно, но я старалась!

– Пиздец... – Андрей запрокинул голову, ероша волосы. – А что есть?

– Вот, майка... – я потупилась, надув губы и комкая ее подол в руках. Совершенно случайно открывая розовые трусики под ней. Пусть побесится. А я временно поиграю в бедную овечку.

– Ты не могла взять купальник из дома? Я же просил собраться!

Я всхлипнула.

Он выматерился сквозь зубы, развернулся ко мне спиной.

– Еще что-то надо кроме купальника? – спросил сдавленным злым голосом.

– Не знаааааю...

– Хорошо, вечером съездим купим. Будь готова после приема.

И он, не поворачиваясь, отправился в клинику.

Я выскочила и умчалась к себе, по пути захватив все упаковки с едой. Разберемся с вашим фальшивым ризотто! Мне

надо составить план, как сделать так, чтобы он меня отпустил.

Для начала – выбесить! Пусть это будет для него избавлением и счастьем!

До вечера я смотрела всякую фигню на ютубе и поедала пафосные блюда из доставки. Больше всего мне понравились королевские креветки с блючиз-соусом. Так и правда привыкну к роскошной жизни!

На двери клиники было написано, что прием до шести вечера, поэтому я как примерная девочка была готова к этому времени. Надела платье и кроссовки и быстро спустилась вниз. Свет внутри был уже погашен, но дверь открыта. Секретарша тоже ушла. Я быстренько пробежала мимо дивана, подхватила из вазы с фруктами яблоко и распахнула дверь кабинета Андрея.

Яблоко выпало у меня из руки и закатилось внутрь.

А я стояла и не могла отвести глаз от того, как дядя Андрей, стоя сбоку от низко опущенного стоматологического кресла, вгоняет свой член в горло темноволосой женщине, лежащей в нем.

Она придерживает пальцами, но видно, как глубоко он входит, поэтому она давится и издает странные звуки и слюна течет по ее подбородку.

Андрей

1.

Блядь!

Блядь, блядь, блядь!

Когда воспитываешь ребенка с младенчества, наверное, постепенно привыкаешь убирать вещи с пола, где он ползает, ставить повыше хрупкие предметы и надевать на углы эти круглые штуки, чтобы он не разбил голову.

И запирать двери, когда трахаешься.

Может быть, не сразу, но к моменту, когда этот ребенок уже понимает, что папа маме не массажик делает, а ебет во все щели, на двери спальни появляется хорошая задвижка и никто никогда не забывает ею пользоваться.

Но у меня нет детей, блядь!

Не было до этого лета!

Я привык валять своих подружек по всему дому и потом с томлением в яйцах во время посиделок с серьезными людьми вспоминать, как на подлокотнике кресла, в котором сейчас сидит владелец самого сети дорогих ресторанов, изгибалась снятая в клубе мулаточка и в заднице у нее торчала стеклянная пробка ниибических размеров.

Но теперь у меня зараза и заноза, формально совершеннолетняя баба, но фактически – ребенок, от которого надо

прятать свою половую жизнь. А то глаза повылезут. Она ж девочка еще наверняка.

Свою спальню я закрыть додумался, потому что у меня уже были очень любопытные девицы в гостях. А запереть дверь в кабинет, когда уже все ушли – ну нет такой привычки!

Анжела Королева пришла за пятнадцать минут до конца приема, и Софа, моя ассистентка, тут же спросила, нужна ли она еще. У Анжелки был профприем, я с ним и один мог справиться, поэтому отпустил ее, и она, умница, забрала с собой и Маришу с ресепшена. И свет они выключили. И тихонечко ушли, пока я проверял, не испортился ли ротик моей лучшей пациентки. Пока еще – профессионально.

Вопреки стереотипам я не сплю ни с ассистенткой, ни с помощницей. Мне с ними еще работать, а весь этот бордель с обидками и залетами мне нахер не сдался.

Было разок по пьяни, причем с обеими. Но наутро мы поговорили и решили забыть, будто и не было. Правда Софе для лучшего забывания того, что я с ней делал, увлекшись и забывшись, пришлось выписать солидную премию.

Деньги она любит больше, чем мифическую честь и достоинство, так что мы реально забыли, что там было. Она понятливая.

Так что сегодня мы остались с Анжелкой наедине очень быстро.

Я ее заприметил в первый раз, когда она пришла на проф-

чистку через год после переезда к нам в поселок.

У нее слабый рвотный рефлекс. Как бы глубоко я ни забирался, сколько бы ни совал инструменты, она спокойно все переносит и не пищит.

Это сразу заводит.

Женщины, с которыми можно позволить себе побольше обычного.

Конечно, и у нее есть пределы, но эти пределы очень далеко.

Она, конечно, жена помощника депутата и вообще очень солидного мудака, который без охраны даже собаку не выгуливает, но мне ли не знать, какие эти жены здесь все бляди. Я не перетрахал весь поселок только потому, что они скучные.

Думают, что в жопу дала с мученическим видом – королева секса. Конечно, их-то толстосумы за это ювелирку отвешивают.

Мне одна так и показывала: «Вот этот кулончик с изумрудом, это я дала кончить на лицо. А этот браслетик с бриллиантами, это в зад. Он еще хочет отшлепать меня, вот обдумываю, сапфировый комплект или новую машинку».

Я тогда уточнил, чем будет шлепать и посоветовал за прыгалки брать навороченный «Мазератти», а если просто рукой, то и колечка хватит, еще и самой понравится.

Ей, кстати, понравилось и без колечка. Но со мной.

С Анжелкой я действовал напрямую. Софу отослал, кресло опустил и попросил Анжелку полежать тихо под предло-

гом того, что должно подействовать лекарство.

А потом, когда она выплюнула гель и прополоскала рот, откинулась обратно на спинку, чтобы выдохнуть, просто взял ее за затылок и сразу вогнал член в глотку.

Без кокетства и прелюдий.

Так она даже заорать не смогла. Но она и не стала. Сразу набросилась и засосала так, что я понял, кто теперь моя любимая пациентка.

Потом когда я ебал ее раком на том же кресле, выяснилось, что она пришла без трусов. То есть, была готова. Ко взаимному нашему удовольствию

Впрочем, дальше игр в доктора и пациентку она не хотела заходить, но баба на постоянке, которая заглатывает член по самые яйца и обожает это дело – уже довольно много.

2.

Анжелке не до того, она заглатывает мой член, давясь слюнями и размазывая по лицу тушь. Спецом красится, знает, как я люблю этот заплаканный вид после глубокого минета. А я поворачиваюсь на звук и вижу... эту!

Нормально так начинается моя жизнь в роли приемного дядюшки. Накачал лекарствами, потерял, возбуждился и вишенкой – дал в рот бабе на ее глазах. Правильно сделал, что не стал заводить семью, Виталя мне чистую святую истину говорил. А я как всегда.

Яблоко катится, она смотрит. Не на меня смотрит. На Анжелку смотрит, как та чмокает, пускает слюни и заглатывает мой член по самые яйца, издает те самые гортанные звуки, от которых у любого мужика стояк на полдень.

И глаза ее расширяются и расширяются. И ротик приоткрывается, словно она тоже так хочет, но на самом деле, я вижу, чтобы заорать.

Как бы мне Анжелка чего не откусила от испуга.

Гипнотизирую мелкую дрянь взглядом, пока она наконец не ощущает это и не переводит взгляд с моего члена мне на лицо.

Мне кажется, на нем достаточно ясно написано все, что я думаю. И в менее тяжелых ситуациях огромные мужики пугались моего взгляда. Он тяжелый. Я с детства на Витале

тренировался.

Но эта...

Она просто опирается на косяк двери, складывает руки на груди и улыбается! Улыбается, сука!

И продолжает наблюдать за происходящим. Уже не происходящим, потому что я остановился, только Анжела этого еще не поняла. Тянется, облизывает, наконец выпускает член изо рта и удивленно на меня смотрит. Прослеживает за моим взглядом и замечает Лизу.

Взвизгивает, отпрыгивает от меня, как черт от ладана, врезается в подставку, роняет с нее металлический лоток и тот прыгает по кафелю с громким звоном. Пытается вскочить, но с опущенного кресла это не так-то просто, поэтому просто буксует на месте, перебирая руками и ногами на паук на роликах из какого-нибудь «Том и Джерри» или откуда у меня эта идиотская картинка в голове?

А мелкая дрянь начинает ржать.

Просто заливаться хохотом, сгибаясь пополам и хлопая себя по бедрам, задыхаясь от смеха, останавливаясь, чтобы набрать в легкие воздуха и снова согнуться, держась за живот.

Я стою как столб и член мой продолжает стоять как столб, будто бы ему похер, что вокруг происходит шоу Бенни Хилла.

Анжелка наконец падает на пол, подскакивает, пытаюсь устоять на каблуках, ее волосы всклокочены, платье задра-

лось и из-под него видны кружевные резинки чулок, морда в слезах и соплях, и Лиза уже просто сползает по стене, садясь на пол и продолжая только всхлипывать, глядя на это все.

У меня в голове нет ни одной мысли. В ней стоит звон, похожий на тот, что издавал лоток. И звон становится все сильнее. Я не ощущаю ни ярости, ни досады. Вообще ничего. Только противоестественное спокойствие. И звон.

Наверное, именно он мешает мне рывкнуть на этот цирк, выставить одну, отправив на второй этаж, умыть вторую, впихнуть успокоительное и усадить в машину.

Я просто стою и аккуратно заправляю член в рабочую форму, благо он немного сдулся. Обхожу кресло, поднимаю с пола лоток, ставлю обратно. Поднимаю кресло в рабочее состояние. Делаю все то, что должен был бы делать после того, как мы с Королевой отлично развлеклись бы и она уехала, а я...

БЛЯДЬ!

Я вспоминаю, что сам сказал Лизе быть готовой к вечеру!

Ангела наконец обретает равновесие, хватает свою сумку и вылетает из кабинета, прошипев мне в лицо:

– Мудак! Ты еще пожалеешь!

Я уже пожалел. Ох, как о многом я пожалел.

Но до этого мы еще дойдем.

Наклоняюсь, хватаю Лизу за локоть и вздергиваю ее вверх. Она ржет-заливается уже ненормально, истерически.

– Вернись в комнату и больше никогда не заходи в кли-

нику.

— Ой! — она попыталась вырвать локоть, но мои пальцы сжались как клещи. — А если у меня зубик заболит, что же делать? Хотя нет, твои методы лечения мне что-то не нравятся. Тебя в институте учили хуй совать пациентам вместо бормашины? Мужиков так же лечишь?

БАЦ!

Я влепил ей оплеуху, даже не успев задуматься о том, что делаю. Она отлетела к стене и застыла там, держась рукой за скулу и глядя на меня широко раскрытыми глазами, которые наливались слезами уже не от смеха.

— Да как ты... — она попыталась сказать что-то злое и ядовитое, но обида перехватила ее горло и вместо этого губы некрасиво искривились, она длинно всхлипнула и из глаз брызнули слезы, фонтанчиками, как у клоунов.

Я протянул руку, но она отшатнулась и бросилась прочь, стуча каблуками по лестнице. Дверь наверху хлопнула так, что содрогнулся весь дом.

Лиза

1.

Я проревела весь вечер, жалея себя и глядя в зеркало на то, как наливается след от оплеухи. Надо было приложить холодное, но выходить из комнаты не хотелось. К ночи у меня заплакали от слез глаза, опух нос и покраснело лицо, но никто все равно этого не увидит, так какая разница!

Я не понимала, за что мне такое? Я была плохой дочерью, но не настолько плохой!

Почему мир превратился в такой кошмар?

Между мной и жизнью всегда стояла мама и должна была стоять еще долго, но... вышло все иначе. А дяде Андрею я отомщу!

Глубокой ночью, когда он уже точно должен был спать, я потихоньку приоткрыла дверь своей комнаты и на цыпочках прокралась на кухню. Так.

Что у нас тут?

В холодильнике стояли контейнеры с недоеденной вчера моей едой. Новую привезут утром и для Андрея тоже. Так что остались только его спортивные напитки. Я набрала тех, что со вкусом шоколада и унесла к себе, спрятала под кровать.

Разрезала все фрукты на части и раскидала по столу. Но

это все были детские игрушки, он даже убирать не будет и закажет новые напитки. Что же сделать такого?

Я вспомнила про винный шкафчик и залезла в него. Ничего не понимаю в дорогом алкоголе, но решила ориентироваться на год, написанный на бутылке. Выгребла оттуда вино и виски, где было не меньше двадцати лет выдержки и тоже спрятала у себя в спальне. Заодно будет чем напиться.

Одну бутылку вина, моего года рождения, я даже открыла и глотнула прямо из горла. Интересно же, что в нем находят!

Но оно на вкус было такой же кислятиной, что и все это сухое красное, что я раньше пробовала. Такой облом. Хотелось-то божественного нектара. Но выливать было обидно, поэтому я пошла прямо с бутылкой по комнатам.

Как я могу ему еще отомстить?

Всякую ерунду типа измазать ручки дверей отмела сразу. Детский сад. А что не детский?

Я подошла к окну, открывающему вид на задний двор. Подсвеченный голубым бассейн сиял в ночи как огромный драгоценный камень и манил к себе.

В бассейн, что ли, ему нассать?

Подогретой алкоголем, мне эта идея показалась просто блестящей.

Как была, в тех шмотках, в которых собиралась по магазинам и потом рыдала на полу, я спустилась вниз. Интересно, зачем оставлять на ночь подсветку? Электричество же жрет.

У богатых свои причуды?

Кстати, к вину я притерпелась, и оно перестало мне казаться мерзкой кислятиной. У него не было отвратительного послевкусия как у всех тех вин, что я пила. Вроде как скучноватый такой вкус, но без гадкого алкогольного запаха. Как сок, только несладкий.

А запах вообще прекрасный, совсем не винный.

Надо будет поискать у него еще такую же бутылку.

Ночная прохлада заставила меня поморщиться, но каждый новый глоток вина все больше разогревал кровь. Я посидела на краю шезлонга, глотая вино из горлышка, но потом поняла, что я ж не мужик, с берега ссать будет неудобно. И присаживаться как-то глупо.

И вообще сначала я поплаваю, а вот как буду выходить, тогда и...

Только ведь купальник мы так и не купили... А за футболкой идти наверх обломно.

Я постояла, глядя в сияющую голубизну и тут до меня дошло!

Ночь же, зачем мне купальник, все равно никого нет.

Ни дурацкого этого дяди, ни его гостей и пациентов. Никто ничего не скажет, если я просто разденусь догола и так поплаваю!

Я скинула одежду прямо на месте и, оставив бутылку на берегу, нырнула в бассейн в чем мать родила.

Прохладная нежная вода приняла меня в свои объятия и качнула, успокаивая и утишая жгучую боль в груди. Почему

бедным недоступно такое удовольствие? Я бы плавала каждый раз, когда мне грустно и не приходилось бы бухать, курить и орать на маму.

Но хренов опекун и мудака оставил это все себе, как все они, богатенькие уродцы.

Я лениво потянулась за оставленной на краю бутылкой, выпила несколько глубоких глотков и раскинулась, позволяя воде поддерживать и качать меня, омывая со всей нежностью и спокойствием.

Может быть, она подаст мне идею, как же отомстить дяде Андрею...

Андрей

1.

Быть мудаком и бить маленьких девочек. Причем не тогда, когда они об этом просят, а когда они бесят. Это я, сука, молодец. Это я хорошо придумал.

Впрочем, быть мудаком мне всегда нравилось. Все то, что женщины называли мудацким поведением, было просто моей нормальной жизнью, не подстроенной ни под какую капризную бабу. Жизнью в свое удовольствие с соблюдением своих интересов. Я надеялся так и дотянуть до глубокой старости, а когда хуй перестанет стоять, а шлюхи спать даже за деньги, тогда найму сиделку, на которую заработаю, не тратя бабло на хлам в виде шуб и колечек с бриллиантами.

Но Лиза не посторонняя баба. И вообще не моя баба.

Она еще ребенок, несмотря на развитые формы и паспортное совершеннолетие. Даже если ей самой кажется иначе. Даже если окружающим кажется иначе и тем парням, с которыми она, по словам брата, зависала вечерами.

Я старшее ее больше чем в два раза и умнее должен быть вдвое.

Но терпения мне с рождения не отсыпали...

Я метался по спальне как дикий зверь, останавливаясь и прислушиваясь к ее завываниям за дверью ее комнаты. И

мои мысли метались тоже: от злобного «мелкая сучка сама напросилась» до «охуеть, герой, бьешь женщин и детей». К сожалению, когда я вспоминал ее заплаканное личико, они сворачивали на боковую дорогу, ведущую в ад. Но я отогнал от себя те картинки, которые мне рисовало воображение. Моей воли на это хватало.

Но я и не подозревал, что подстава будет ждать меня там, где воля кончается.

Глубоко за полночь я наконец отправился спать, так и не решив ничего с мелкой заразой.

И едва я смежил веки, как во сне мне явилась Лиза.

Все было ровно так, как в реальности: мой кабинет, голубая форма, опрокинутое кресло и две женщины.

Только в кресле лежала не Анжелка. Я думал там она и направлял член в распахнутые губы, но поднимал глаза и видел, что она стоит в дверях и смотрит с ужасом в район моего паха. Я тоже смотрел туда и видел, как головка члена вместо разверстых блядских губищ Королевой тыкается изнутри в нежную розовую щечку Лизы. Слезы текут у нее из глаз, смазывая тушь, но она обнимает своими пухлыми губками мой перевитый венами ствол и старается взять его поглубже. Моя рука лежит на ее затылке и я непроизвольно толкаюсь глубже, в горло. И она забирает член, заглатывает его, хотя спазмы в ее горле показывают как ей это нелегко.

И что-то орет от двери Анжелка, а я, сука, никак не могу остановиться, потому что этот маленький нежный ротик

оухуенен чуть более чем полностью и такого минета мне не делали никогда.

И я начинаю толкаться в горло Лизы глубже и сильнее, слезы ее капают на мой член и это ниибически заводит все сильнее и сильнее.

Я вижу, как она раздвигает ноги, и ее пальчики ложатся на блестящую плоть. Это чуть не взрывает меня, я рычу и похлопываю ее по щеке, сжимаю ладонь на тонком горле и чувствую, как внутри поршнем ходит мой член.

Подводит меня то, что я так хочу увидеть свою сперму у нее на лице, что я пережимаю яйца и тяну член изо рта у малышки, чтобы кончить снаружи... и просыпаюсь от того, что сдавливаю их в реальности.

Сука, сука, сука. Чуть не кончил, дрожа на свою названную племянницу!

И самое паршивое, что все еще стоит и тянет забить на все, сжать пальцами ствол, пряча в ладонь залупу и толкнуться в нее, представляя, что это рот Лизы.

Заплаканной несчастной сиротки Лизы, которой я только что врезал по морде.

При мысли об этом меня аж выгнуло на постели.

Я откинул одеяло и встал.

Дыхание было как у шестидесятилетнего бегуна.

Хуй стоял как у двадцатилетнего тестостеронового пацана.

А в тишине комнаты был слышен тихий плеск.

Если это опять соседские кошки приперлись лакать из бассейна, добавлю туда крысиную отраву.

Нет, не добавлю. Там теперь любит плескаться моя псевдо-племянница. Не будь ее, вышел бы в гостиную, посмотреть, что там на улице творится, но натягивать штаны лень, и я впервые за пару лет поднимаю жалюзи в спальне. Темные стены окрашиваются в голубоватые отсветы, я смотрю в окно...

Ого, ни хуя ж себе.

То есть мне с голым хуем ни у себя на кухне не появиться, ни бабу выебать, а она, не парясь, может плавать голой в моем бассейне? Извиваться белокожей русалкой, демонстрируя, что кроме безумного характера, ей еще есть чем меня удивить.

Невероятно женственной фигурой, которая обычно спрятана под набором молодежных шмоток, уродующих ее так, как природе и не приснится.

Я и думал о Лизе, как о комплекте из вполне удавшихся сисек, которые она продемонстрировала под мокрой майкой в прошлый раз, нескладных подростковых руках-ногах и прочем и пизде, выданной восемнадцатилетним шалавам исключительно для того, чтобы они могли прыгать с хуя на хуй спермотокзикозных ровесников.

А она...

Я потряс головой.

Откуда у меня весь этот романтический бред? Я видел

женщин с такими фигурами, что их и трахать-то грех, просто воздух в груди застревает от такого совершенства. И ничего, эти женщины вполне ползали передо мной на коленях, отклячивали задницы и складывались в причудливые позы.

Наверное, я просто никогда не видел спросонья, как они резвятся в нереальных голубых отсветах, как беззаботные русалки, забыв обо всем.

Лиза

1.

Выходя из бассейна, я кинула взгляд на второй этаж и похолодела.

Жалюзи на окне спальни опекуна были открыты. В окне никого не было, но ведь я помнила, что они закрыты всегда. И были закрыты, когда я спускалась. Или нет?

Посмотрела я на них перед тем как раздеться, или мне было все равно? Открыл ли он их сейчас и видел меня голую?!

Пофиг.

У меня все-таки родилась идея, как побесить Андрея. И я планировала заняться этим завтра.

Уже засыпая, я вспомнила, что оставила бутылку из-под вина у бассейна. Но вставать и тащиться вниз было влом. В конце концов, разве я не этого хотела? Пусть дядя побесится.

Спала я долго, всегда была ленивой, как говорила мама. Никогда не вскакивала как жаворок поутру. Вот и сейчас когда открыла глаза, на часах было далеко за полдень. На кухню тоже было лень идти, поэтому я выудила один из дядиных спортивных напитков из-под кровати, откупорила и принялась. Вроде пахнет сладеньким. Разве спортсменам можно сладкое?

Я сделала маленький глоточек и чуть не сблевала.

Фуууууууу!

На вкус как сироп от кашля, такая мерзость!

Как он это пьет и зачем?

Бееее!

Закинула обратно бутылочку под кровать и вовремя.

Дядя Андрей вошел в мою комнату как обычно без стука.

В своей стоматологической форме, только маску сдвинул на подбородок.

Кинул на кровать телефон:

– Вот. Чистый, но со следилкой, имей в виду.

– А где мой?! – возмутилась я.

– У спецов. Ты же код не говоришь, – медовые глаза зло сощурились. – Или передумала?

– Нет!

Он пожал плечами.

Принюхался. Даааааа, в комнате воняло алкоголем, я знаю. Но комментировать не стал. Может, не видел бутылку у бассейна? Ну, например, убрал кто-нибудь.

– Через час придет уборщица. Из комнаты не высывайся, приберись тут сама.

– Чего это сама?!

– Взрослая девка, подмести можешь без прислуги, – отрезал он.

Не то чтобы у меня раньше была прислуга, но это нечестно!

– Не буду!

– Будешь жить в грязи, – он снова пожал плечами, натягивая маску обратно. – Закончит она в пять, будь готова и жди в гостиной, поедem в магазин.

– А...

Я хотела напомнить ему, чем закончилась вчерашняя попытка ехать в магазин, но отбитая скула заныла, напоминая, а дядя Андрей скрестил на груди руки, явно ожидая, пока я нарвусь.

– В пять. Поняла?

– Да поняла я... – проворчала и откинула одеяло. Спала я в длинной футболке, так что он мог увидеть только мои ноги, а если вчера подсматривал, то все и так видел. Но он развернулся и вышел, а я пошлепала чистить зубы.

Конечно, я не стала слушаться и запираься в своей комнате. Села на диван в гостиной, врубила по телеку какой-то тупой сериал на ТНТ и наблюдала, как пожилая женщина в розовом платье с белым фартучком шуршит вокруг меня. То подметает, то пыль вытирает, то наяривает по зеркалам тряпкой. Очень хотелось к ней доебаться, но было немного стыдно. Она мне плохого ничего не делала, в отличие от дяди. И даже убраться умудрилась так, чтобы не помешать мне смотреть. Я отлучилась в туалет – она быстренько почистила мой диван, я выключила телек и включила музыку – она протерла его от пыли.

От этого мне стало еще противнее

Это все Андрей виноват! Он заставляет меня быть хуже,

чем я есть!

2.

Ровно в пять Андрей вошел в гостиную, окинул взглядом идеально отпидашенное пространство и кивнул мне:

– Идем.

При виде молочных сидений «гелика» меня затошнило. Слишком остро вспомнилось, как плохо мне было в прошлый раз тут, как болело между ног и как теснились в груди рыдания, не приносящие облегчения.

Внутри пахло свежим деревом и чем-то восточным. На заднее сиденье я не полезла, проигнорировав открытую Андреем дверь. Прошла к переднему, уселась туда и застегнула ремень безопасности.

На мне были крошечные джинсовые шортики, которые задрались по самое не могу и превратились практически в трусы и короткий топик без лифчика, который перетянул ремень и грудь стала казаться больше, чем есть. К тому же от близости Андрея, который молча сел на водительское сиденье и окинул меня тяжелым взглядом, соски затвердели.

Если он на меня пялился голую, пусть попятится еще!

Но он отвернулся и всю поездку на меня даже не смотрел.

Я надеялась, что мы доедем до города, покатаемся с ветерком и может быть я даже сбегу и... ну, не знаю. Найду маминых подруг и попрошусь к ним жить? Нет, тупо как-то.

Хотя бы покатаюсь!

Но ехали мы совсем недолго и быстро свернули под указатель «Outlet Manor» к симпатичному розовому старинному поместью с садом и большим домом. Наверное века девятнадцатого. Не знаю. Но там были посыпанные песком дорожки, клумбы, круговой заезд, а внутрь надо было проходить через коллонаду. В такой внутренний дворик, окруженный бутиками.

Андрей сразу направился к спортивной одежде и стенду с купальниками.

– Выбирай, меряй, покупай, что надо, – коротко сказал он. – Жду здесь.

И вышел на улицу, встав так, чтобы его было видно через витрину. Только снаружи она была зеркальная, а я-то понадеялась побесить его вопросами, как я выгляжу!

Милые продавщицы быстренько подогнали мне десяток купальников: и слитных, и раздельных, и совсем крошечных. На крошечные у меня были особые планы.

Андрей даже глазом не повел, хотя я вышла с огромным количеством пакетов. Зашел внутрь, расплатился и никак не прокомментировал сумму. А она была внушительной!

Ничего себе!

– Покупай все, что тебе надо, – мотнул он головой в сторону ряда бутиков. – Одежду, обувь, что там еще захочешь. Мы еще не скоро сюда заедем, чтобы не оказалось, что у тебя формы нет.

– Какой формы? – оторопела я.

– Школьной... институтской... да не знаю я! – раздраженно рыкнул он. – Осеннюю одежду тоже посмотри.

То есть, до зимы мне с ним в доме торчать как минимум?! Может быть, я все-таки осенью перееду обратно домой, чтобы в институт добираться? Не будет же он меня каждое утро возить или на такси тратиться. И он вроде говорил, что в институт я пойду.

Выкинула пока это из головы и отправилась на шоппинг. Оторвалась как в последний раз! Это были не элитные магазины и коллекции явно не последние, но по таким ценам мне мама только платье на выпускной купила! Я все ждала, когда дядя Андрей меня остановит. Но он молча заходил в бутик, оплачивал все, что я выбрала и относил сумки в машину.

Даже бровью не повел, когда я купила дорожную сумку! И вечернее платье! И туфли с красной подошвой на таком высоченном каблуке, что стоя на них я боялась высоты!

Наверное, он думал, что это меня задобрит. Но почему-то наоборот.

Его вид бесил меня все сильнее. И то, как он вообще не реагировал на огромные деньги, которые я там тратила! Тоже мне, толстосум! Я корячилась, чтобы на бюджет поступить, потому что у мамы не было денег на оплату обучения, а он просто берет и покупает мне сумку за цену всех пяти курсов в моем институте!

Поэтому последней я свернула в «Викторию Сикрет». По-

следней, потому что не думала, что после задуманного дядя Андрей разрешил бы купить мне еще хоть что-то.

Я всегда заглядывалась на это шикарное белье. Жаль только, что позволить его себе могли только богатые старые бабы, которым оно уже не нужно. Или девочки, которых одевают папики. Но тогда они и выбирают.

Всегда хотелось выглядеть роскошной в этих кружевах и развратном шелке. Но примеряла я его только в воображении.

Продавщицы тут же меня окружили и стали восхищаться:

– Вы не модель?

– Вы удивительно похожи на наших моделей!

– Давайте скорее примерим, вы сама как ангел Виктории!

Когда я разделась, смущенно и быстро спрятав свои простые трусики под отложенными шортами и примерила первый комплект, они вообще ахнули:

– Какая роскошная фигура!

– Грудь и бедра просто идеально женственные! А тонкая талия! У вас идеальная фигура!

– Беру свои слова обратно про моделей! Вы лучше!

Я отобрала несколько кружевных комплектов, ночных сорочек и пижам, и тут пришла пора для моего сюрприза.

Решительно направилась в сторону, где висели тоненькие паутинки черного и розового цвета, едва соединенные между собой. Выбрала как раз черный и розовый. Слышала, что это были цвета проституток. Мне хотелось шокировать дя-

дюшку.

Повертелась перед зеркалом в примерочной. Оно показывало меня со всех сторон, и я даже покраснела, увидев как непристойно и развратно смотрится моя задница, обрамленная этими ленточками.

А грудь! Она небольшая, но ленточки ее подтягивали и сдвигали, так что сиськи становились на редкость аппетитными. А перевитые шелком завязки тянулись прямо между ног, за ними так и хотелось следовать взглядом.

Я выпорхнула из примерочной. Продавщицы кинулись ко мне:

– Другой размер? Другую модель?

– Нет, нет! – я отмахнулась.

Распахнула дверь бутика и прислонилась к ней бедром, выгнувшись перед Андреем, который обернулся ко мне.

Он говорил по телефону, но его рука сама опустилась.

– Ну как, дядя Андрей, мне идет? – ослепительно улыбаясь, пропела я.

3.

Опекун вообще никак больше не отреагировал на меня. Стоял, смотрел тяжелым взглядом. Хоть бы дернулся или челюсть уронил. Ну, чтобы я поняла, что он оценил такую красоту.

Но нет!

Я повернулась задом, чтобы было получше видно, выгнула спину, оперевшись на дверь, повернула к нему голову и мурлыкнула:

– Дядя Андрей, неужели вам не нравится?

– Нет.

Он ответил, даже не изменившись в лице. Палец нажал на телефоне кнопку отбоя – и все.

Одна рука в кармане, другая с телефоном. И смотрит набычившись.

– Совсем-совсем нет? – я скрутилась немислимым образом, чтобы ему было видно и соблазнительную попку, и грудь, которая казалась больше на размер, и тонкую талию. Те самые дорогие туфли, в которых я и скакала, делали мои ноги бесконечно длинными. Не зря они такие дорогие, стоят своих денег!

– Нет.

Он повторил это таким же безэмоциональным голосом, что и предыдущее. Как же его выбесить, а?

– Вам больше нравятся избитые маленькие девочки, чем раздетые женщины? – зло спросила я, глядя прямо на него.

– Да.

И снова ничего не изменилось.

Я отлепилась от двери, молясь, чтобы каблук не подвернулся.

Сделала несколько шагов вперед, к нему.

Подошла в упор, практически уткнувшись сиськами в его грудь.

– Может, мне тогда позвонить в полицию, чтобы тебя, грязного ублюдка, арестовали за побои?! – выплюнула ему в лицо.

– Не утруждайся, – спокойно ответил Андрей. – Сейчас устрою тебе полицию.

Он вдруг перехватил меня поперек живота, дернул к себе так, что внутри все заныло и поволокло по дорожке к ближайшему выходу. У входа в бутик осталась валяться одинокая туфля с красной подошвой.

Машина стояла совсем рядом. Он открыл заднюю дверь, запихнул меня туда и захлопнул обратно. Я дернула ручку – заперто! Дернула другую – тоже!

Андрей направился обратно – видимо, в бутик?

Потому что вернулся он быстро и с горой пакетов. Я к тому времени уже проверила остальные двери, но они тоже не поддались.

Он закинул мои покупки в багажник и обошел машину,

чтобы сесть на водительское место.

— Куда мы едем? — спросила я, когда «гелик» тронулся. Резко, так что я полетела кубарем с широкого заднего дивана на пол.

— В полицию, — ответил Андрей. — Ты же хотела на меня пожаловаться?

На минуту или две я успокоилась. Он хочет меня проучить — великолепно! Хочет, чтобы я подумала, что мы едем в полицию и стала умолять не везти меня туда в одном эротическом белье. Перебьется!

Но мы ехали совсем не в сторону дома, я точно помнила, что мы не проезжали кинотеатр по пути в аутлет. Я забеспокоилась.

А вдруг он решил привезти меня к каким-нибудь друзьям и поглумиться?

Типа это и есть полиция? Что мне тогда делать?

Вообще не выходить из машины?

Но все оказалось гораздо хуже. Мы свернули один раз, другой, Андрей побибикал и в высокой серой стене с колючкой поверху открылись ворота. Мы въехали... во двор полицейского участка! Там стояли раскрашенные машины с мигалками, курили во дворе люди в форме. Один из них махнул Андрею, а тот крикнул:

— Генка у себя?

Полицейский закивал. Андрей провел машину далеко по двору и остановился у самого входа в казенное серое здание

с вывеской «Отдел МВД России по Полевому району». Нормальной такой вывеской, как обычно и бывает. И дверь была самая обычная железная, серая, плохо покрашенная.

Пока я с трудом соображала, что, кажется, это реально полиция, Андрей заглушил двигатель, вышел из машины и распахнул мою дверцу. Как он так сделал? Я только что пробовала ее открыть – не получалось!

– Выходи! – сказал он.

– Зачем? – опасливо поинтересовалась я.

Сидеть в машине было безопаснее. Особенно в окружении полицейских, когда я только в ниточках и клочках ткани.

Но у Андрея было другое мнение на этот счет.

– Будешь рассказывать, как я тебя избивал и требовать, чтобы меня арестовали, – заявил он, смыкая твердые пальцы на моем запястье и выволакивая меня на улицу. У меня была всего одна туфля, на второй был только чулок, который тут же порвался о шершавый асфальт, и стрелки поползли вверх по полупрозрачному шелку.

– Нет, не надо! – я уперлась, но Андрей легко сдвинул меня с места и поволок к двери. – Не надо, дядя Андрей!

– Нет уж, давай, доведи дело до конца!

Он распахнул дверь и втолкнул меня в холодное помещение, пахнущее мокрым бетоном и гнилыми тряпками. Отсюда вела только одна лестница наверх, и я поковыляла по ней, понуждаемая тычками в спину.

На этаже Андрей открыл еще одну дверь, проволок меня за локоть по дешевому линолеуму и без стука распахнул дверь в один из кабинетов.

Здоровенный мужик, скорее накачанный, чем толстый, с лысой башкой и в одной рубашке, испуганно отпрыгнул от ноутбука и резко его захлопнул, но я успела услышать характерные стоны.

Он порнуху на работе смотрел?!

– Фу, это ты, Андрюха... – мужик схватился за сердце. – Нельзя ж так пугать, я думал, линейный.

– Не бойсь, Геннадий! – Андрей прошел к столу и пожал лысому руку. – Тут все веселее.

И тот наконец перевел взгляд на меня.

– А это что за сладкая шмара? – он облизнулся и развернулся в кресле. – Это мне подарочек на день рождения или хочешь на двоих расписать?

4.

Лысый смотрел на меня как на кусок жареного мяса. С коричневой корочкой и подливкой. Даже облизывался. Я посмотрела на Андрея, но у него на лице ничего не было написано. А тот мужик уже вставал из-за стола.

Я быстро спряталась за опекуна, чтобы он не рассматривал меня почти голую еще и в одной туфле, но он выудил меня оттуда и вытащил за локоть перед столом.

– Что ты скрываешься? Разве ты не этого хотела? – И уже мужику: – Сядь, Ген. Это не развлечение, это работа. Девушка утверждает, что я ее избиваю.

Лысый сел обратно, но его взгляд нагло ощупывал мое тело. Он казался горячим и липким и на коже от него словно оставались следы. Я закрыла руками грудь, но ему хватало и моих бедер, и крошечного клочка шелка между ними. Под его взглядом он буквально пылал. Я прикрыла одной рукой грудь, другой лобок, но живот было уже нечем. Так и стояла, балансируя на одном высоком каблуке и поджимая вторую ногу, по которой уже побежали вверх стрелки. Рванный чулок не добавлял мне приличий.

– Избивает? Мой добропорядочный друг Андрей Калашников, уважаемый человек, врач, член клуба садоводов нашего поселка избивает такую чудесную девушку? Мне сложно в это поверить! Расскажи-ка подробнее.

Он все же вышел из-за стола, обошел его и сел на край, оказавшись слишком близко ко мне. Я отступила, но уткнулась спиной в дядю Андрея, а он тычком подтолкнул меня вперед.

— Ну что ты молчишь? — спросил он. — Валяй, жалуйся.

— Я вообще не вижу никаких следов... — лысый потянулся и отвел мою руку от груди. Хватка была железной, мне не удалось прикрыться снова. — Сисечки у тебя зачетные, но вот ни синяков, ничего. Жопой повернись.

Я вырвала руку и не собиралась конечно никуда поворачиваться.

Но дядя Андрей взял меня за плечи и развернул сам.

Моя почти обнаженная попа, уверенно поднятая ленточками, оказалась прямо перед глазами этого человека.

И когда он меня шлепнул по ней со всей силы, так что она затряслась, я от ужаса смогла только всхлипнуть.

— И зад рабочий. Андрюш, не знаю, чего ты ждешь. Таких красоток только ебать. Знаешь, на станок можно натянуть. Чтобы ножки расставлены, сиськи в дырки и рот на нужной высоте. И вперед... — судя по звукам, он еще раз облизнулся, а я покрылась холодным потом. Это полицейский?!

— Нет, Ген, это моя, считай племянница. Неродная, навязанная. Но подопечных ебать нельзя. Мне.

Он выделил последнее слово голосом и усмехнулся.

Моя кровь похолодела. Я рванулась в сторону и отскочила от них:

– Я пожалуйюсь!

– В полицию? – лениво спросил Гена, ощупывая меня взглядом. Его правая рука была в кармане форменных штанов и что-то там поглаживала. – Так вперед.

– Начальству вашему!

– Начаааааальству... – Гена усмехнулся и крикнул: – Олег Палыч! Тут начальство хотят!

– Кто хочет начальство... – в кабинет вошел почти двухметровый мужчина в камуфляжных штанах и белой майке. В зубах у него была сигарета, а в руке резиновая дубинка. – Какая краля!

Он остановился, глядя на меня.

– Это Андрюхина родственница какая-то, я до конца не понял, – пояснил Гена. – Но жалуется, что он ее бьет.

– Бьет? – Олег нахмурил брови, пристально меня рассматривая. – Андрюха же умеет так, чтобы без следов.

– Так следов и нет.

– А... – тот подошел ко мне. Я отступила на шаг, но он приблизился и концом дубинки приподнял мой подбородок. – Бьет?

Я кивнула.

– А не насилует? А то давай, расскажи нам! – он заржал мне в лицо. – Я ребят позову послушать!

Я рванулась в сторону, к дяде Андрею и спряталась за него. На фоне этих похотливых козлов опекун теперь казался мне вполне приличным человеком.

– Ну что, оставить тебя тут? Заявление напишешь... – злобно спросил он. – А я дома подожду, пока меня арестовывать придут.

– Нет... – пробормотала я еле слышно.

– Не слышу! – рявкнул он, ловя меня за плечи и устанавливая перед собой.

Задом к Гене.

Чем тот и воспользовался, проведя широкой ладонью по моей попе и скользнув между ног.

Я взвизгнула и прижалась к Андрею.

– Не оставляйте меня, пожалуйста! – взмолилась я Андрею. – Я больше так не буду!

Не уточняя, чего не буду.

– Ну ладно. Простите, парни, воспитательные меры, – Андрей отсалютовал друзьям и положив руку мне на шею, подтолкнул к выходу.

– Да ничего, – Гена ухмыльнулся. – Мы понимаем.

– Но ты привози, если что, будем ждать, – оскалился Олег. – Особенно, если будешь насиловать. Тут, конечно, без следственного эксперимента будет не обойтись. Чур, я первый изображаю преступника!

Андрей

1.

Отвез присмирившую дрян timer домой. Засунул ее в машину, уже не слишком стараясь не засветить ее голую жопу перед мужиками. Судя по свисту – некоторые оценили. Надеюсь, она тоже. Выгрузил во дворе, и она сразу слиняла к себе наверх, оставив в машине только свою туфельку как ебучая Золушка.

Сам ушел в подвал, хуячить в спортзале грушу.

Иначе реально отхуячил бы Лизу.

Не знаю, может быть мне надо было почитать книжки по подростковой психологии, тогда бы я понял, почему она ведет себя как бессмертная. Ей кто-то сказал, что девочкам все прощается? Так у меня для нее новости – девочкам прощается гораздо меньше, чем мужикам.\

И такими темпами она узнает это на практике. Скоро.

Если и дальше будет пытаться вывести меня за край.

Упоролся до того, что вспотел как свинья, зато выбил дурь из груши, с наслаждением представляя себе на ее месте... Генку.

Потому что я, хоть и мудака, еще не планировал насиловать эту идиотку, а его остановил только мой тон, я сам видел. Но меня беспокоит это «еще» в моих мыслях. Пока еще нет.

Перетаскал кучу шмота из багажника в гостиную и свалил на пол. Посмотрел на дверь в комнату Лизы и испытал незнакомое, но острое чувство. Обиды, что ли?

Вот так значит себя чувствовала моя мать, когда говорила, что она накупила мне кучу игрушек, а я веду себя как неблагодарная тварь.

Что ж, мамочка, я усвоил урок.

Как ты и говорила, наши внуки отомстят нашим детям. Вообще-то я не планировал дарить тебе внуков, но Виталик решил за нас обоих.

Пока остыл, решил попробовать поговорить с ней нормально. Последняя попытка общения как со взрослым человеком. Хотя что-то мне подсказывает, что она будет не очень удачной...

И как в воду глядел.

Дверь в комнату открывалась с трудом, ее что-то подпирало. Это мне сразу не понравилось. И еще воздух...

Запах алкоголя. Даже перегара.

Я толкнул дверь сильнее, отпихивая тумбочку и чемодан, которыми она заклинила ручку.

И длинно грязно выматерился.

Я видел, конечно, что она подрезала у меня коллекционное вино, но и похуй. Пусть пьет нормальное, чем этот бабский мартини. Но она под шумок утырила у меня и вискарь. И почти литр, судя по всему, уговорила в одно лицо. С яблочным, сука, соком. Двадцатипятилетний Макаллан с яб-

лочным соком! Да я б убил ее уже на месте!

Если бы она не была мертвецки, вдрызг, невыразимо пьяна. Когда только успела? Я всего часа полтора в зале провел.

Подопечная моя валялась, свесив голову с кровати, все в том же блядском костюмчике, не скрывавшем ничего абсолютно, скорее подчеркивающим все, что требуется.

Под ней на полу уже была лужица рвоты и длинные русые волосы купались в ней. Не уверен, что ее рвало, когда она была в сознании. Если бы она лежала на кровати, уже захлебнулась бы.

Идиотка!

Я сделал шаг вперед, стараясь не вляпаться, тряхнул ее за плечо, переворачивая на спину. Она перевалилась тяжело, не открывая глаз, зато распахнувшись целиком так, что ее сиськи, оформленные бельем, уставились торчащими сосками прямо в потолок. И треугольник ткани между ног прилип и очертил ее половые губы. Вот уж реально секси-киска, облеванная и с раздвинутыми ногами. Настоящий «Ангел Виктории».

В горле у Лизы заклокотало, и я быстро повернул ее на бок. Девчонку снова вырвало.

Что ж, хотя бы жива. Но то, что она не приходит в себя, очень плохая примета.

Как Же Она Меня Бесит!

Я посмотрел на эту тушку. Ну вряд ли больше пятидесяти килограмм. Справлюсь.

Подхватил на руки, пнул дверь, которую перекосило от такого обращения и поволок в ванную. Сначала думал в гостевую, но там мало места. Донес до своей, свалил в джакузи и перегнул живором через край. Подставил ведро.

Так, теперь что? Промывание желудка?

Вздохнул, глядя на безжизненное тело.

Врач я или кто?

Сходил за солью, набуровил раствор, умыл эту поганку под проточной водой и влил в нее первый стакан. Второй. Третий.

Она закашлялась, но только вяло помычала. Четвертый стакан и перегнул через колено, засовывая пальцы ей в глотку.

Прямо под ее животом дернулся член, а мозг моментально нарисовал картинку из сна, как я заталкиваю его ей до самого горла.

Лиза содрогнулась и извергла потоки воды в подставленное ведро.

Распахнула наконец глаза, непонимающе глядя на меня.

Под это дело влил еще три стакана, пока она не начала сопротивляться.

– Нет! – Она сразу заплакала. – Нет! Не надо! Грязный... гряз... ИК! Мерзкий извращуга!

– Ага, – сказал я и снова засунул пальцы ей в рот. Теперь, когда она была в сознании, это отозвалось во мне... не так, как стоило бы. Огромный заплаканные глаза, распахнувши-

еся в шоке, сжавшееся вокруг пальцев горячее влажное нутро...

И ее снова вывернуло, едва я успел перевернуть Лизу на живот.

Ладно, на этом остановимся.

Протянул ей стакан с разведенным регидроном:

– Пей.

– Я не хочу!

Она попыталась сползти с моих коленей, на которых лежала животом вниз и больше всего на свете я хотел сейчас отлупить ее по аппетитно выпяченному задку. Отлупить до красноты, следов на лилейной коже и синяков.

Я наклонился, прижал ее ноги своими, навалился сверху, раздвинул рот и влил регидрон насильно, зажав ей рот и нос, пока она не проглотила.

– Урод! Тьфу! – Она попыталась ударить меня, но я поймал руку. – Урод! Ублюдок! Что ты делаешь?!

– Жизнь тебе спасаю, курица тупая! – Не выдержал я. – Ты выжрала смертельную для себя дозу алкоголя!

– Я не хочу, чтобы ты спасал!

– Тебя забыл спросить.

Я окунул ее с головой в воду, чтобы смыть следы рвоты, уже не заботясь о комфорте, перекинул через плечо и потащил вниз по лестнице.

Она слабо трепыхалась, но вряд ли у нее были силы сопротивляться мне всерьез.

В своем кабинете сгрузил ее на кресло, опустил его в горизонталь и выкатил капельницу.

– Что это? – Спросила Лиза слабым голосом. – Какие-то твои извращенские игрушки?

– Дура... – прошипел сквозь зубы. – Руку дай.

В кои-то веки она послушалась без возражений.

Вогнал иглу, подключил систему и поставил две баночки. Физраствор и один хитрый коктейльчик.

– Ты тут всех накачиваешь наркотой, а потом ебешь?

– А потом расчлняю и продаю на органы, – ответил я, регулируя скорость капания.

Неожиданно Лиза расплакалась.

Первый раз у меня в кабинете полуголая восемнадцатилетняя красотка лежит под капельницей и плачет. И это не БДСМ-сессия.

Где я свернул не туда?

Правда мой член считает, что никакой разницы нет. И под мокрыми спортивными штанами это отлично видно.

2.

Вот и поговорили. Как взрослые люди.

Тысячу раз я проклял свое обещание Виталику «присмотреть» за этой вожжихой краснокожих. Миллион раз.

Но ни у меня, ни у него не было выбора. Он-то знал, что если эту шлюху оставить жить одну, просто подкидывая ей денег, она натворит подобной вот хуйни в первую же неделю, бросит институт, сопьется и пойдет по рукам. Теперь и я это вижу.

И он знал, что если заставить меня покляться памятью Алины, я наизнанку вывернусь, но клятву выполню.

Несмотря на то, что Лиза, уже понятно, просто бомба замедленного действия. Только вопрос времени, когда у меня сорвет тормоза и уже ничего не остановит. Я ненавижу эту мелкую дрянь всем сердцем.

И хочу ее всеми яйцами.

Мозг не задет.

Ни в том, ни в другом случае.

Если бы не самоконтроль, я бы уже вытрахал ее наглый грязный рот, заебал до смерти и разорвал голыми руками.

К сожалению, убить мне ее не позволяет уголовный кодекс, а выебать – принципы.

Поэтому остается только беситься и воспитывать.

И что-то придумать, чтобы загнать ее хоть в какие-нибудь

рамки.

Впрочем, себя бы тоже неплохо. Потому что она лежит на кресле, все время порываясь свернуться калачиком, но это не кровать, фокус не пройдет. Лежит и стонет, хнычет и хлюпает носом. Если бы я был нормальным мужиком, такое поведение включило бы во мне хреновы отцовские инстинкты, я бы захотел ее защитить и все такое. Но у меня специфические вкусы, специфический опыт и жизнь у меня тоже специфическая. Поэтому юная дева в беде с размазанной под глазами тушью и в слезах вызывает не желание укутать одеяльцем и принести какао с маршмеллоу, а животную потребность вогнать в нее член и заставить заливаться слезами уже от этого.

Сижу напротив, за своим столом, убрав руки в карманы и уже минут пять поглаживаю через ткань вздыбленный член. Нихера не помогает, сейчас просто взорвусь.

– Дядь... – ее голос спотыкается, словно тяжело произнести эту очевидную ложь. Какой я ей дядя. – Андрей... пить. Пить хочу.

Я вздыхаю и наливаю воду из кулера в одноразовый стаканчик и подаю ей, стараясь не смотреть на то, как вывернуто ее тело, как оно изгибается на стоматологическом кресле, хотя фантазия услужливо подбрасывает множество вариантов того, как можно ее еще тут разместить. Встаю за ее головой, прижимая восставший член краем кресла.

Не могу отойти, не могу остановиться. Трусь как какой-то

извращенец.

Когда она слишком сильно сжимает стаканчик и проливает на себя воду, вздрагивая от холодных капель на груди, я втягиваю воздух сквозь сжатые зубы.

Ядовитая змея ползет внутри головы и шепчет, что Лиза мне не родня, я даже не официальный опекун, деться ей некуда, что такого, если...

После «если» я не слушаю, лишь сильнее стискивая зубы, так что начинает крошиться эмаль.

– Дядя... Андрей, – она приподнимается и находит меня мутным взглядом. – Можно... меня отпустить? Я уже... нормально.

– А выглядишь как обдолбанная.

И это тоже мой фетиш.

Сука...

– Но я...

– Жди, пока докапается! – Отрезаю я и отхожу назад на несколько шагов. Каждый из них дается мне таким потом и кровью, как ни одна тренировка в спортзале.

Она снова извивается на кресле, стараясь повернуться так, чтобы не задеть капельницу и устроиться поудобнее. У нее безупречная фигура, по-настоящему женственная, гитарная. Тонкая талия и выраженные грудь и бедра. Все эти ленточки и резинки на ней только мешают любоваться.

Сорвать. Змея шипит и капает ядом в мозг. Надо все это сорвать.

– Андрей... – просит Лиза тоненьким голосочком. – Я писать хочу.

Пиздец.

Прикрываю глаза. Конечно, две банки поставил. Еще бы она не хотела.

Одной рукой сжимаю член через карман в штанах, другой приклеиваю иглу пластырем и поднимаю кресло. Поддерживаю Лизу за спину, пока она садится, встает и, пошатываясь, идет до туалета. Рука ненароком соскальзывает на ее упругий зад и только испуганно-злой взгляд удерживает меня от того, что я собирался сделать.

Я не люблю плети. Но сейчас...

Открываю ей дверь туалета. Закатываю стойку с капельницей. Она смотрит на меня:

– Уйди, я так не могу.

Эх, не того боишься... племяшечка.

Отошел. Вернулся через десять минут, когда все разумные сроки кончились. Рванул дверь – она сидела на унитазе с закрытыми глазами. Кажется, спала. Вздрыгнула, просыпаясь, увидела меня, заплакала:

– Отпусти меня... Мне не нужен опекун, особенно такой.

– Какой? – я разозлился. – Который спасает твою никчемную жизнь? Надевай трусы и выметайся!

Я шваркнул дверью об косяк и с облегчением почувствовал, что от ее наглости желание трахнуть сменяется желанием убить. С этим мне гораздо проще бороться, чем с выжи-

гающей похотью.

Она выползла, все так же пошатываясь. Я проверил иглу, выкрутил скорость на максимум и за десять минут докапал ей остатки. Проводил наверх и втолкнул в комнату, жалея только об одном – что не поставил изнутри замок. Сейчас она бы заперлась и я не чувствовал бы себя чудовищем, которое может ворваться в башню принцессы в любую секунду, чтобы наплатить свою ярость и похоть.

Лиза

1.

Мне казалось, что слезы не остановятся никогда. Я сорвала с себя эти омерзительные шмотки, завернулась в халат и лежала лицом в подушку, плакала и плакала, пока у меня не заболела голова. И тогда я заплакала еще горше, потому что раньше я знала, что делать в этом случае. Надо было прийти к маме, она давала мне таблетку и все проходило. А в этом доме я не знала, где что хранится. И не хотела наткнуться на этого... Этого уroda.

Он ходил там за дверью, чем-то шумел, даже напевал. А я лежала и мне все сильнее хотелось в туалет. Но при воспоминаниях о том, как он отводил меня пописать в клинику, я стискивала зубы, сжимала бедра и согласна была терпеть и дальше, лишь бы не попасться снова.

Когда все стихло, я еще полчаса сидела под дверью, вслушиваясь в то, что происходило в доме. Как бы ни болел низ живота, я все равно считала минуты. И выбралась, когда долго-долго не слышала ничего. Прокралась бегом на цыпочках в туалет и только тогда выдохнула наконец.

Стоило избавиться от одной проблемы, как в голову вгрызлась другая. Боль тут же захватила меня, погружая голову в огонь. Невыносимая и яркая. Терпеть было невозмож-

но.

Где же искать таблетки?

На кухне я лазила по шкафам, стараясь не грохнуть дверцами, но удерживать их трясущимися от боли руками было все сложнее. В какой-то момент я просто расплакалась от обиды. Все пошло не так, слишком давно все пошло не так!

И в этот момент в моем мозгу яркой вспышкой, причинившей нестерпимую боль, мелькнуло воспоминание. В гардеробной! У Андрея! Белая коробка с красным крестом! Там должны быть таблетки!

Это было чертовски опасно, но я не могла больше терпеть. Собрала себя в кучку и тихонечно добралась до его спальни. Дверь была плотно прикрыта и из-за нее не доносилось ни звука. Но вдруг она звуконепроницаемая?

Я подошла к двери в гардеробную и тихонько ее потянула. Она была на магните и легко отворилась с чавкающим звуком. Я прокралась на цыпочках, включив экран телефона и подсвечивая им полки. Фонарик я боялась врубать.

Но коробка стояла ровно там, где мне привиделась. Я поднялась на цыпочки и потянулась за ней. Выронила телефон, но он упал мягко. Кончиками пальцев подцепила аптечку и с облегчением упала на пол, прижимая ее к себе. Нашупала телефон и подсветила внутрь.

Мне могло не повезти. Я потом уже подумала, что это могла быть автомобильная аптечка. Но здесь лежали прямо сверху таблетки «Кетанов». Довольно сильные. Мама не ре-

шалась мне их давать. Но я знала, что это обезболивающее.

Разгрызла прямо тут, хныча от горечи, сныкала в карман халата еще пачку и снова поставила аптечку на место.

Теперь, когда я знала, что голова скоро пройдет, терпеть было намного легче. И черт меня дернул под руку, но я прошла еще несколько шагов до входа в спальню. Сквозь узкую щель падал тусклый свет. Мне стало интересно, что там происходит.

И тут я услышала стон. Глубокий женский стон, а потом вскрик.

Ого!

Унизил меня по полной, а потом позвал к себе шлюху по-трахаться?

Я сделала еще шаг и услышала свист и удар. А потом незнакомый голос.

Ого... Кто же там.

Я приникла к дверной щели и увидела, что в спальне напротив кровати развернут экран, на который светит проектор.

А на экране...

Мужчина в черной футболке, черных кожаных штанах, огромных ботинках и в черных перчатках стоял перед женщиной, привязанной к стулу так, что ее ноги были широко раздвинуты. Одна его рука была внутри нее, а в другой он держал маленькую плетку, которой хлестал женщину по груди.

Я ахнула. И тут же зажала руками рот, испугавшись, что меня обнаружат. Но к счастью, в этот самый момент женщина тоже громко застонала сквозь кляп во рту, а из ее промежности ударил фонтан прозрачной жидкости. Мужчина засмеялся и что-то сказал на незнакомом языке.

Он вынул из нее пальцы, облизал их... и ударил ее плетью прямо между ног! Она дернулась и застонала громче, а он бил и бил ее, а потом перевернул плетью и засунул внутрь рукоять и начал ее бешено трахать.

Я забыла о том, что у меня болит голова. Стояла и смотрела, не обращая внимания вообще ни на что. Это дяде Андрею такое нравится?!

С моего места не было видно кровати, на которой он и должен был быть и я чуть-чуть сместилась, но увидела только его голые ноги, которые подрагивали...

Увы, я догадывалась, от чего.

Но должна была убедиться.

И в тот момент, когда мужчина на экране выдернул плетью, спустил штаны и засадил женщине с размаху и она снова заорала, я чуть приоткрыла дверь.

И увидела.

Глаза Андрея были прикрыты, а рука снова по неслабым размеров органу, торчащему как столб.

Он двигал ею все быстрее, в такт движениям мужчины на экране. Тот дергался все резче, а потом выдернул кляп у женщины изо рта, вынул член и тут же засадил отверстием ниже.

Вопль женщины был просто животным, раздирающим перепонки. И в ту же секунду по пальцам Андрея потекла белая жидкость, а сам он вслух застонал и захрипел.

Я отскочила от двери, тяжело дыша.

Мой дядя – извращенец... Ему нравятся совершенно больные вещи! Куда я попала?!

2.

Я чуть не теряю ориентацию, пробираясь обратно через гардеробную так, чтобы не издать ни звука. Свет в спальне Андрея погас и я понятия не имею чем он занимается. Хорошо, если уснул, а если неслышно стоит у двери, и я наткнулся прямо на него? Страшно подумать!

Особенно после того, что я увидела на экране.

Без приключений выбравшись из гардеробной я понеслась к себе, нырнула в спасительную постель и затаилась, прислушиваясь.

Но дом был тих.

Самое время подумать о том, что я там увидела.

Я подтянула к себе ноутбук, открыла его и задумалась. Даже не представляю, где такое смотрят. Это ведь не обычное порно, это на специальных сайтах для извращенцев только?

Но была не была!

Я набрала в поиске: «Плеть». Потом добавила: «Связана». И на всякий случай еще: «БДСМ».

Щелкнула кнопку... и мне открылись бездны!

Я слышала о том, что некоторым нравится использовать наручники и даже бить, но я даже не думала, что там все вот так!

Ведь бьют по спине? Но в большинстве роликов связанных женщин били по соскам или прямо между ног!

Иногда их привязывали к кровати или стулу, но чаще всего связывали в каких-то ужасно неудобных позах или вовсе подвешивали.

Били тростями, многохвостыми плетками, кнутами, шнурами, прыгалками.

Со связанными делали много странных вещей – засовывали им во все отверстия разные предметы, зажимывали соски или промежность, раздвигали странными приспособлениями... Это было ужасно. Отвратительно. Мерзко.

Я отбрасывала ноутбук, но потом возвращалась обратно. Мне не нравилось, что я видела, но почему-то очень хотелось найти тот ролик, который смотрел Андрей.

Понять...

Я искала по словам «перчатки» и «ботинки», я нашла несколько сайтов, где был полный набор таких извращенных видео...

И тут мне в голову пришла гениальная мысль.

Я ведь все равно собиралась побесить Андрея из-за того, что он не дает мне мой телефон и ноутбук.

Поэтому я набрала в поиске: «Самый жесткий бдсм» и запустила все ролики подряд, стараясь не смотреть, что там происходит.

Когда счет пошел на сотни, я поняла, что этого мало. Поэтому открыла несколько наугад и стала делать скриншоты того как мужики трахают девок в задницу, загоняют им члены в горло, руками буквально выворачивают их наизнанку и

вгоняют внутрь шипастые члены.

Я открыла свой Вконтакт, но не основной, а тот аккаунт, который держала, чтобы обсирать анонимно девчонок из школы. Там в личке у меня паслось полно всяких тупых дроверов.

Им-то я и стала рассылать эти скриншоты с подписями типа: «Хочу сделать это с тобой, малыш!»

Некоторые даже что-то отвечали, но это уже было неважно. Какое мне дело до левых мудаков?

Я перебирала ролик за роликом, пытаюсь найти какой-нибудь самый дикий, и невольно вздрагивала, когда девушки стонали или кричали слишком громко. Я уже закрылась подушками и даже свернула звук до минимума, но иногда вопли были слышны даже через такую защиту.

Но...

Я должна была признать...

Нет, это было ужасно...

Но...

Когда маленькую блондинку огромный амбал с чудовищным членом просто поднял на руки и начал насаживать на себя, она так стонала... мне кажется, так не сыграть. Я почувствовала, что внутри меня что-то сжимается.

И когда мужчины безжалостно перегибали женщин через подлокотник дивана и с размаху вгоняли в них члены, я вздрагивала от этих первых, искренних воплей и чувствовала неясный зуд внутри.

А вот на мужчину в хирургических перчатках я вообще залипла.

Девушка перед ним была привязана к кровати с четырех сторон, и под поясом у нее была подушечка, отчего она лежала полностью раскрытой. А он...

Просто водил пальцами по ее груди, обводя по кругу соски... а потом вдруг защипывал их. Спускался ниже и вводил в нее два пальца, наблюдая за ее лицом. Она так стонала...

Я отставила в сторону ноутбук, откинула одеяло и когда мужчина обвел сосок девушки по кругу и сжал его, сделала то же самое. Чуть не вскрикнула, потому что это оказалось больно. Точнее, сначала чуть приятно, а потом больно.

Но дальше он развел пальцами складки у нее между ног и воткнув два пальца внутрь, обвел большим по кругу.

Я никогда не мастурбировала.

Мне всегда казалось, что девочки этого не делают.

Но сейчас я... Мне хотелось попробовать.

Я закрыла глаза, развела ноги пошире, засунула руку в трусы и почувствовала, как расходятся лепестки у меня там. Раньше я только мыла там пальцами, стараясь не заикливаться на ощущениях. Но сейчас там было ужасно мокро и еще чувствовалось что-то странное...

Только мне не хотелось трогать себя просто так.

И мужик из видео не нравился.

Я представила, что пока я лежу вот так, с закрытыми глазами, дверь тихонько открывается и заходит дядя Андрей.

Садится на кровать, которая прогибается под его весом, отводит мою руку и касается своими пальцами вот этого местечка, где так все остро ощущается...

3.

Нет, это было неправильно. Андрей... не будет делать это нежно и аккуратно. А я... никогда бы не раздвинула перед ним ноги как шлюха!

Если бы это было на самом деле, я бы орала и брыкалась, а он привязал бы мои руки к спинке кровати. Потому что в гостевой комнате нет ручников, как у него в спальне. Пришлось бы использовать мои колготки или трусики.

Он бы ухмыльнулся и сказал, что это для того, чтобы я не трогала его руками. А в ответ на мой вопль пригрозил вставить кляп, но передумал. Кто меня тут услышит?

И он бы делал со мной, что хотел... Трогал грудь, вот так, как я сама себя... Перекатывал пальцами соски, сжимал ее, нет, стискивал своей лапищей до боли.

А потом шлепал, чтобы она дрожала.

Самой шлепать получалось не очень, но когда я представляла, что дядя Андрей делает это своей большой тяжелой ладонью, мне хотелось сжать ноги от прокатывающегося между ними жаркого ожидания.

Кстати, ноги... Он попытался бы их развести, но я бы брыкалась, и тогда он тоже привязал бы их по одной в полусогнутом и разведенном состоянии... А потом достал свой огромный член и приставил к входу...

На этом месте я не выдержала, крутнулась вокруг своей

оси, переворачиваясь на живот, зажала свою руку между бедер и приподняла бедра, чтобы потом опустить их и вжаться в кровать. Горячая тугая волна вспыхнула там, где мои пальцы касались напряженного кусочка плоти, я вцепилась в спинку кровати и застонала, утыкаясь лицом в подушку.

Это было так сладко, господи, так сладко... хотелось сразу повторить еще раз!

Но я не успела даже задуматься, что бы сделал дальше воображаемый Андрей, потому что скрипнула дверь в комнату и вошел Андрей реальный.

Я быстро перевернулась, натянула на себя одеяло по самый подбородок и с ужасом увидела, как он принохивается к воздуху в комнате. От моей правой руки пахло моими соками, и мне казалось, что он тоже чувствует этот запах. И приближается как охотничья собака, следуя невидимому пути!

Его темный взгляд встретился с моим испуганным, и я ощутила, что мое лицо залила краска, запульсировала горячая кожа... в том числе и там. Между ног. Там тоже будто все краснело и наливалось от того, как он смотрел!

Я быстро опустила глаза, и как назло посмотрела прямо на его пах, где топорщились спортивные штаны от того, что его явно видимая эрекция их приподнимала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.